

ТАТЬЯНА ДЕ РОНЭ ЗОЛОТИСТАЯ ПЫЛЬ

Такой чувственной, трагичной и прекрасной
вы Мэрилин Монро еще не видели.

Эллисон Патаки, автор бестселлера
«Случайная императрица»

18+

Татьяна де Ронэ

Золотистая пыль

Издательство «Синдбад»

2026

де Ронэ Т.

Золотистая пыль / Т. де Ронэ — Издательство «Синдбад», 2026

Лето 1960 года. Город Рино, штат Невада. Легендарный отель «Мэйпс» стал «штаб-квартирой» съемочной группы голливудского фильма «Неприкаянные». Молодую горничную Полин просят заменить заболевшую коллегу и убраться в номере 614, самых роскошных апартаментах отеля. Хотя ей сказали, что гостей в номере нет, перед ней появляется обнаженная женщина в полубессознательном состоянии. Это миссис Миллер, она же Мэрилин Монро, измотанная тяжелыми съемками в раскаленной пустыне, выпивкой, антидепрессантами и крушением своего пятилетнего брака со знаменитым драматургом. Случайная встреча с ней навсегда изменит жизнь молодой горничной. Эта трогательная история неожиданной дружбы голливудской звезды и гостиничной горничной открывает новые грани характера Мэрилин, показывает ее хрупкость, уязвимость, человечность — и бесконечное одиночество.

© де Ронэ Т., 2026

© Издательство «Синдбад», 2026

Содержание

Январь 2000	6
Рино, Невада	17
1946 год	25
Лето 1960 года	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна де Ронэ

Золотистая пыль

Tatiana de Rosnay

Blonde Dust

Правовую поддержку издательства осуществляет юридическая фирма
«Корпус Права»

© Editions Albin Michel, 2024

International Rights Management: Susanna Lea Associates Published in the
Russian language by arrangement with Éditions Albin Michel and SAS Lester
Literary Agency & Associates

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2026

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
Издательство «Синдбад», 2026

*Памяти Эрика Д., моего любимого кузена,
1957–2023*

Посвящается Николя

*– Как ты находишь дорогу в темноте?
– Я еду на звезду. Дорога прямо под ней.
Она ведет нас к дому...*

Артур Миллер. Неприкаянные

*В тот день на бледном небе солнце рассыпало золотую пыль
света¹.*

Эмиль Золя. Страница любви

¹ пер. Н. Немчиновой

Январь 2000
Маунт-Шаста
Округ Сискию, Северная Калифорния

Полин сидела на низенькой скамейке в стойле стригунка Старлинга и меняла ему повязку. Раненый жеребенок по-прежнему доставлял ей немало хлопот. Неудивительно, что она не услышала, как в конюшню вошла Лили, ее дочка. Зато Старлинг сразу испуганно вздрогнул, кося большим влажным глазом, и Полин пришлось шепотом успокаивать его. После несчастного случая – Старлинга сбил трактор, заскользивший на обледенелой дороге, и сломал ему лучевую кость – жеребенок никак не мог успокоиться и вздрагивал от малейшего шума. Среди пациентов Полин он был самым чувствительным и пугливым и больше всех требовал внимания.

– Мама! К телефону! – крикнула Лили.

– Это может подождать? – спросила Полин, продолжая сидеть на скамеечке, приложив щеку к поддрагивающему боку жеребенка.

Она чувствовала, как под золотистой шкурой тревожно колотится его сердце.

– Ни в коем случае, – ответила Лили.

Полин удивилась, услышав в ее голосе радостную нотку, поднялась и взглянула на дочь: Лили смеялась. Полин еще раз проверила лубки и повязку на ноге жеребенка и ласково провела ладонью по его ноздрям.

– Все хорошо, приятель. Ты вытянул счастливый билет.

Полин вымыла руки под краном возле стойла и подошла к дочери. Что еще за секреты? Почему не сказать сразу, кто звонит? Наверняка Ник. Но Лили отрицательно замотала головой и поджала губы, показывая, что ни за что не скажет, и они вместе пошли в главный корпус ветеринарной клиники, который располагался в двух шагах от конюшен.

Как и большинство коллег, Полин стойко сопротивлялась моде на мобильные телефоны. «Я работаю по старинке, – смеясь, признавалась она, когда спрашивали номер ее сотового, – у меня ни „нокии“, ни „блэкберри“». Она доверяла только надежному телефонному кабелю и стационарному аппарату, что с учетом ее возраста выглядело естественно: как-никак Полин стукнуло шестьдесят один! Ну а тем, кто над ней подшучивал, она предъявляла единственный, зато неопровержимый аргумент: здесь, в горах, где находилась ее клиника, сеть ловила с перебоями.

Всего несколько метров, и вот она уже у себя в кабинете, берет трубку из рук Лили, которая смотрит на нее все с той же загадочной улыбкой.

– Доктор Базеле, – говорит Полин, поправляя прядь волос с проседью; она не сомневается, что сейчас услышит голос Ника.

– Вы хотите сказать, знаменитый доктор Базеле? Незаменимый доктор Базеле?

Ничего общего со спокойным серьезным голосом Ника. На лице Полин вспыхивает та же улыбка, что и у Лили. Господи! Неужели?! К ней вмиг вернулась давно прошедшая молодость!

– Это ты?

– А кто же еще, мисс?

Только Билли-Перл называет ее «мисс». Они ровесницы, и у каждой куча внуков, но они дружат с незапамятных времен, с ранней юности.

Лили ушла, оставив маму в ее просторном кабинете. За окном опустился занавес ночи, на нем далеким светлым бликом мерцала покрытая снегом вершина горы Шаста. Эта картина никогда не надоедала Полин: по весне пейзаж радовал зеленью, летом становился золотистым,

зимой – белым, а осенью одевался в красно-багровые тона, напоминая, что Шаста была и остается вулканом.

Билли-Перл переходит сразу к делу, такой у нее характер. Полин к этому привыкла.

– Мисс, у тебя сейчас много работы? Табун искалеченных лошадок требует внимания?

– Да, работы много. А что?

– А то, что было бы неплохо показать свое милое личико в Рино тридцатого января. Через десять дней. В воскресенье утром. Как только увидела сообщение в новостях, сразу подумала о тебе! Ты не можешь пропустить такое! Ни за что на свете!

– Пропустить что?

– Думаю, найдется коллега ветеринар, который сможет тебя подстраховать? И дочка наверняка поможет.

Билли-Перл всегда нравилось испытывать ее терпение. Полин привыкла и к этому. Она закурила сигарету и передвинула кое-какие мелочи на столе.

– Как себя чувствует Дэнса? – спросила она, чтобы в свою очередь подразнить подругу.

Дэнса, любимая кобыла Билли-Перл, внучка Командора, ее дорогого мустанга, которого давным-давно нет в живых.

Тон Билли-Перл сразу изменился.

– Дэнса чувствует себя прекрасно! В общем, слушай! На тридцатое января намечен снос гостиницы «Мэйпс». Ее взорвут.

Полин удивилась: неужели правда решили снести гостиницу?

Билли-Перл подтвердила: нет ни малейших сомнений. Гостиница не работает с декабря 1982 года, она обветшала и разрушается; от великолепия сороковых годов, когда ее стройный силуэт был украшением Рино, а сама она была его сердцем, в котором кипели страсти, ничего не осталось. Билли-Перл прибавила, что гостиницу пытались спасти: разные люди подавали петиции, выходили на демонстрации – но это не помогло. Теперь на месте «Мэйпс» будет парковка и каток. Полин не могла поверить в это и не ожидала, что новость так ее расстроит.

– Тридцатого января, в воскресенье, у нас будет Суперкубок, – продолжала Билли-Перл, – а значит, на дорогах будет не протолкнуться. Приезжай накануне, во второй половине дня, остановишься у меня, спокойно переночуешь. Я тебе покажу своих последних жеребят. А наутро вместе поедem в Рино. В понедельник вернешься домой.

Полин согласилась, хотя замену ей найти будет нелегко. Но ведь она уедет всего на несколько дней, к тому же в конце недели. Она знала, что может спокойно оставить клинику на Лили, дочь прекрасно справится с любыми проблемами. Лили не была ветеринаром – она вела бухгалтерию и общалась с клиентами. У них с Говардом, ее мужем, было двое детей, сынишка одиннадцати лет и дочка девяти. Жили они совсем рядом, так что Полин часто виделась с внуками.

Лили уже собиралась уходить домой, когда Полин сказала, что планирует уехать в конце следующей недели. Лили недовольно поджала губы и напомнила матери, что утром в понедельник у нее несколько операций, так что вернуться нужно в воскресенье вечером. Полин сказала, что приедет как можно раньше, но все же в понедельник, и на всякий случай договорится с доктором Мерриллом, своим другом и соседом, чтобы он ее подменил. Позвонит ему сегодня же. Лили все-таки была недовольна: они с Говардом и детьми наметили небольшую экскурсию. Менять семейные планы на ходу, нет, она такого не любит.

– Неужели ты не смогла отказаться от вечеринки века, на которой вы с Билли-Перл будете рассматривать древние диапозитивы мустангов под песни Кэрл Кинг? – насмешливо спросила Лили, но, взглянув в печальное лицо матери, перестала смеяться, подошла поближе и положила руку ей на плечо.

Полин опустила голову, помолчала и наконец произнесла:

– В воскресенье взорвут гостиницу «Мэйпс». Я хочу быть при этом. Вот в чем дело.

Лили не нужно было спрашивать, почему матери так необходимо ехать в Рино. Она крепко обняла ее и со всей нежностью, на какую была способна, прошептала: «Я тебя понимаю».

В субботу 29 января Полин задним ходом вывела из гаража «додж дакоту», стараясь не задеть давно дремавшего там старичка – синий «форд ти-бёрд», вставила в проигрыватель любимый диск с альбомом Франсуазы Арди и пустилась в путь. До ранчо Билли-Перл в окрестностях Колд-Спрингз ехать не меньше трех часов, а может, и больше, с таким-то движением. Подруга ждала ее ближе к вечеру. Полин уже давно не бывала в Рино. Даже не могла вспомнить, когда, собственно, в последний раз? Она наверняка навещала Джима, младшего брата, который переехал из старого семейного дома Хаммондов на Вашингтон-стрит, потому что тот развалился. Джим занимался недвижимостью и преуспел, потому что теперь жил в уважаемом квартале Олд-Саутвест.

Всякий раз, когда Полин приезжала в Рино, она попадала в западню ностальгии и сожалений, где главная роль отводилась ее матери. Отношения с отцом Лили оставались сложными вот уже сорок лет – возраст их дочери. Полин знала, что Кендалл Спенсер по-прежнему живет в Рино. И ее сердце до сих пор болезненно откликалось на это имя. На протяжении пятнадцати лет она получала от него чек к Рождеству и открытку, на которой не было ничего, кроме аккуратной подписи. Ни разу за все это время он не захотел повидаться с Лили. Впрочем, Лили это давно не беспокоило.

Полин знала дорогу наизусть, но по серпантину, который вился по горе Шаста, ехала очень осторожно. Потом она свернет на трассу Калифорния 89, затем поедет по магистрали Фезер-Лейк до шоссе 395. К счастью, снегопады прошлой недели не сказались на трафике. Глядя на темное полотно асфальта, Полин вспомнила предостережение Ника за завтраком: он просил ее побереечь себя, потому что при виде разрушающейся гостиницы ее наверняка захлестнут эмоции. Сказал, что время вряд ли стерло то, что Полин пережила в ее стенах, хорошее и не очень. Все, что столько лет таила про себя и о чем постепенно рассказывала ему. Она доверяла Нику, который недавно появился в ее жизни, не меньше, чем старым друзьям, а может, даже и больше и полностью открылась ему.

Через два часа Полин наконец добралась до магистрали Фезер-Лейк; машин на дороге стало гораздо больше, и ей пришлось сбавить скорость. Ее это не раздражало, скорее наоборот: водить она любила. До того как открыть ветеринарную клинику, она целыми днями колесила по дорогам, навещая пациентов в разных уголках округа. Полин закурила, включила радио и сосредоточилась на дороге.

Осенью 1960 года она в последний раз была в гостинице «Мэйпс». Потом ее жизнь круто изменилась: она уехала и не оглядывалась назад. Полин вспомнила, как, протянув руку за письмом, обратила внимание на почерк на конверте – неровный, с сильным наклоном, который узнала бы из тысячи, – и у нее перехватило дыхание. И слова паренька с ресепшен (как же его звали? Линкольн?), в которых прозвучало что-то вроде восхищения: «Она оставила это тебе». И его кривую усмешку. Да, для горничной Полин. Прислуги с ведром и тряпкой. Уборщицы, моющей туалеты на первом этаже. Да, для этой самой Полин.

Километр за километром дорога приближала ее к Рино и к прошлому, которое она не могла ни забыть, ни стереть. Прошлому, которое сделало ее той, какая она есть, как сказал однажды Ник. И он был прав. Полин часто представляла, что они с Билли-Перл, как в юности, мчатся на мустангах к озеру Пирамид, в поту и пыли, под палящим солнцем, с пересохшим от жажды ртом и болью во всем теле от бешеной скачки. А потом слышала неодобрительный мамин голос: «Откуда явилась? Что за запах? Неужели опять каталась на лошади? И снова с той девицей из Уордсворта? Полин, ты что, с ума сошла?!»

Мать приложила столько усилий, чтобы даже в Рино Полин выросла образованной благовоспитанной девушкой. Она не имела права забывать, откуда родом. Из Франции, из Парижа, обители просвещения! Даже если теперь они поселились на краю света, это не значит, что нужно распрощаться с хорошими манерами и стать американской «деревенщиной».

На шоссе 395, где-то около Медового озера, откуда до ранчо Билли-Перл оставался примерно час, Полин остановилась выпить кофе и перекусить в переполненном придорожном кафе. Погода была скверная, дул холодный пронизывающий ветер. Полин села в зоне для курящих, шум ей ничуть не мешал. Она грела о чашку горячего кофе свои покрасневшие от холода руки – рабочие руки, совсем не дамские. Мать часто ей за них выговаривала. Полин не берегла их ни от палящего солнца, ни от работы – она постоянно имела дело с лошадьми. Натруженные руки с припухшими венами, пятнышками пигмента и подстриженными ногтями без лака. На безымянном пальце левой – серебряное кольцо. Никакого отношения к свадьбе оно не имело. Его недавно подарил Ник, и теперь она его не снимает. А пальцы у нее, между прочим, длинные и красивые.

Полин сидела в кафе. Она все еще находилась в Калифорнии, штате, где прожила сорок лет. Училась, вырастила дочь, открыла собственную клинику. Но скоро она сядет за руль, через несколько минут пересечет границу и окажется в Неваде. Снова, в последний раз, увидит гостиницу «Мэйпс». И увидит, как ее не станет. Когда в 1946 году они переехали в Рино, ей было семь. Гостиницу тогда только строили на углу Вирджиния-стрит на берегу реки Траки. Полин наблюдала, как кирпич за кирпичом она растет, и в декабре 1947-го, когда состоялось торжественное открытие, ей показалось, что гостиница упирается в небо, гордо возвышаясь над городком – первый послевоенный небоскреб на американском Западе. Полин, маленькая ошеломленная француженка, никогда не видела такого грандиозного здания. Новый роскошный отель в Рино стал сенсацией. Местные газеты без устали расхваливали фасад ар-деко ослепительно-красного цвета, двенадцать этажей, триста номеров и сорок апартаментов, кондиционеры, два ресторана, два коктейль-бара, казино, парикмахерскую, салон красоты и главную достопримечательность – изумительный банкетный зал Скай-Рум на самом верху с окнами в полстены и потрясающим видом на Сьерра-Неваду. Там проходили незабываемые вечера с концертами, спектаклями и ужинами с танцами.

Полин до сих пор – а ведь прошло столько лет! – помнила особый аромат, витавший в просторном вестибюле «Мэйпса»: смесь табачного дыма, запаха коврового и ароматизатора «Сладкая роза пустыни», который неумолимая Милдред требовала распылять утром, в обед и вечером. Вспомнила Полин и другие, менее приятные запахи, которые примешивались к розе и, несмотря ни на какие опрыскивания, не выводились из туалетов на первом этаже, где она занималась уборкой: запахи канализации, жавеля, моющих средств, а иногда и откровенная, порой нестерпимая вонь, остававшаяся после слишком торопливых клиентов, которые убегали, даже не заметив уборщицу. Но бывало, что ей вежливо улыбались, говорили спасибо, протягивали мелочь.

Милдред Джонс была ее начальницей – ее и еще двух десятков горничных и уборщиц. Милдред боялись все, и у Полин все три года, что она проработала в отеле, при ее появлении тоже холодело под ложечкой. «Будет ли Милдред завтра в Рино? – подумала Полин, закуривая четвертую за день сигарету. – Сколько ей сейчас лет? В 1960-м было около сорока, значит, в 2000-м точно за восемьдесят. И все же она вполне может приехать. А Кендалл? Он тоже может прийти. Ему сейчас под семьдесят». Он придет со своим семейством: с супругой, от которой веет холодом и которая даже спустя столько лет окинет Полин недобрый взглядом, с детьми и внуками. Безупречные, чистопородные, одетые с иголки Спенсеры.

Завтра утром на берегу реки Траки, стоя рядом с Билли-Перл в толпе пришедших посмотреть, как рухнет гостиница «Мэйпс», Полин наверняка встретит призраков прошлого.

Что заставит их приехать? Воспоминания? Праздное любопытство? Желание перевернуть страницу? Или, как и ее, – необходимость отдать последний долг?

Приближаясь к Колд-Спрингз, Полин увидела указатель «Ранчо Уальд Перл. Спасение мустангов» и, как всегда, почувствовала гордость за подругу детства, которая столь многого добилась. Полин проехала по узкой крутой дороге, которая вела от города и вилась среди холмов и долин, припудренных свежим снегом, потом нырнула в узкий овраг со скалистыми, поросшими соснами склонами и, наконец, выбралась на просторный зеленый луг. Время близилось к пяти, и бледное зимнее солнце на прощание осветило пейзаж мягким розовым светом. Полин на миг задержалась перед распахнутыми воротами. Все, что она видела перед собой, принадлежало Билли-Перл: справа конюшни и загон, приютившиеся у подножия небольшого холма, а дальше, по склонам долины, ведущей к Белому озеру, – земли ранчо. Полин вдохнула полной грудью чистый воздух; он был холоднее, чем у нее дома.

Подъезжая ближе, она стала различать в сгущающихся сумерках лошадей в загоне. Они бегали и играли, радуясь снегу, одна валялась на побелевшей траве. Как же Полин любила мустангов с их пылким свободолюбивым нравом, взятых Билли-Перл под защиту! Среди них были потомки тех, с кем они дружили еще подростками. Полин без труда отыскала взглядом Дэнсу, внуку вороного жеребца Командора, сыгравшего такую важную роль в ее юности. Дэнса тоже была вороной и такой же атласной.

У себя в калифорнийской клинике Полин не часто доводилось лечить мустангов; ее «клиентурой» были в основном квоттерхорсы, лошади для скачек на короткие дистанции, которые принимали участие в соревнованиях и шоу, а также использовались на сельскохозяйственных работах.

Из большой трубы на крыше ранчо извилистыми лентами поднимался дым. Полин знала, что подруга ждет ее в большой комнате на первом этаже, которую она тоже очень любила и где сейчас уютно топился камин. Она медленно ехала по ранчо и подняла руку, здороваясь с двумя конюхами, которые привели табун на ночевку. Кроме хозяйки, Полин никого здесь не знала, потому что приезжала очень редко, но не сомневалась, что за долгие годы Билли-Перл собрала вокруг себя сплоченную команду энтузиастов, одержимых той же идеей, что и она: сохранить поголовье мустангов.

Полин пристроила «додж» рядом с другими автомобилями, подхватила дорожную сумку, поднялась на несколько ступенек и без стука вошла в дом. Дверь здесь никогда не закрывали на ключ. В прихожей сразу бросался в глаза постер – Велма Джонстон верхом на своем жеребце Гобо. Велму называли Энни Бешеная Лошадь, она была знаменитой защитницей мустангов родом из Невады. Билли-Перл работала вместе с Велмой начиная с пятидесятых годов и до самой ее смерти в 1977-м.

В большой комнате царил беспорядок, что не удивило и не обеспокоило Полин. Билли-Перл не назовешь феей домашнего очага, зато она умеет объезжать мустангов и делает это как никто. На низеньком столике у камина лежат пазлы и раскраски, софу заняли куклы Барби и машинки – сразу видно, что внуки не забывают бабушку.

– Вот и маленькая мисс приехала! Как добралась? Без проблем? – Билли-Перл вышла навстречу подруге из кухни.

Аппетитный аромат овощного супа и жаркого с пряными травами защекотал ноздри, и Полин поняла, что проголодалась. «А рецепт, – подумала она, – наверняка ей дала одна из невесток».

Она была выше Билли-Перл на целую голову, но так и осталась для нее «маленькой», что Полин очень сместило. Подруга с кудрявой шевелюрой и веснушками на круглых щеках выглядела гораздо моложе своих лет. Она была в джинсах «левайс 501», сапогах вестерн и шерстяном свитере – ее обычная зимняя форма одежды. Летняя мало чем отличалась – вме-

сто шерстяного свитера Билли-Перл надевала джинсовую куртку. Полин не видела подругу в платье или юбке годов с шестидесятых.

Вошел ее старший сын с младенцем на руках, и Полин познакомилась с очередным представителем многочисленного клана. Ужин был веселым и шумным. За столом собралось четырнадцать членов семьи, к ним присоединились еще и работники. Бревенчатым стенам было не привыкать к шуткам и оглушительным взрывам хохота, а главное – к разговорам о лошадях, которые могли длиться часами. Как все это было знакомо Полин, как она этим наслаждалась! У молоденькой кобылы была колика, и новый ветеринар отлично с ней справился; жеребенок разбуянился и разгромил стойло; Дэнса – живой портрет дедушки, та же стать, тот же аллюр, а Орел – вылитый Дастин; и, подумать только, Нэнси (младшая дочь Билли-Перл) все-таки справилась с непослушным жеребцом!

Позже, когда домашние улеглись спать, подруги с чашками травяного чая уселись друг напротив друга у камина. Билли Перл чувствовала: приезд в Рино вызывает у Полин смешанные чувства.

– Ты ведь знаешь, нам не обязательно говорить о «Мэйпсе», – сказала она.

Полин улыбнулась: все в порядке, почему бы не поговорить об отеле? К тому же ей все еще не верится, что «Мэйпс» разрушат. На протяжении многих лет гостиница была главной достопримечательностью Рино – вплоть до упадка в восьмидесятых, когда все затмил сияющий Лас-Вегас.

– Мне хочется помнить «Мэйпс» на пике славы, когда Скай-Рум на закате был самым модным местом в мире. Ты ведь это не забыла?

– Еще бы! – воскликнула Билли-Перл. – А тот молодой бармен? Он был очень мил с нами.

– Дэн, – сказала Полин.

Она вспомнила, как он угощал их коктейлями – тайком, потому что они были несовершеннолетними. Даже ее крайне разборчивая мать поддалась соблазну, увидев винную карту Скай-Рум, где гордились тем, что подают настоящий французский сотерн.

– Дэну ты нравилась, Билли.

– А ты, мисс, снилась мальчику-лифтеру.

Они дружно рассмеялись.

Потом Билли-Перл невозмутимым тоном спросила:

– Как думаешь, Кендалл может завтра прийти?

Да, Полин думала, что может, но не боялась этой встречи. Как-никак, сорок лет прошло. Впрочем, желание дать ему пощечину не остыло.

– Bravo! – одобрила Билли-Перл. – Но ты ее не дашь.

– Ты права, не дам. В любом случае «Мэйпс» не сводится к ярко-красному ковру в кабинете господина Спенсера. Я помню и многое другое. Гораздо более замечательное!

– Например, апартаменты номер шестьсот четырнадцать?

– Да...

Полин знала, что, когда здание будет рушиться, она не сможет оторвать глаз от окон седьмого этажа, особенно от четвертого, углового, выходящего на юго-восток, как раз над рекой Траки. Как это здание может взлететь на воздух, оставив после себя только пыль?

– Эй, – вывела ее из задумчивости Билли-Перл, – а где теперь синий «форд»?

– «Ти-бёрд»? – улыбнулась Полин. – Берегу его как зеницу ока.

Билли-Перл встала рано. До отъезда в Рино нужно было еще заглянуть к лошадям. В семь часов, когда показалось солнце, она верхом на Дэнсе уже всю работала в одном из загонов, натянув на глаза стетсон. Утренний холод ей был нипочем. Она помахала подруге рукой и крикнула, что в следующий раз они отправятся на прогулку в горы. Полин сможет оседлать

Стрелу или Мимозу, кого захочет, но сегодня нет времени: снос гостиницы начнется ровно в восемь.

Мустангам, похоже, здесь нравилось. На ранчо за ними хорошо ухаживали, их лечили и обьезжали, а потом продавали. Покупателей выбирали очень тщательно, за этим следила сама Билли-Перл.

– Двухтысячный год на дворе, а до сих пор находятся люди, которые охотятся на мустангов, – бушевала она. – Их отлавливают и содержат в жутких условиях! А ведь есть закон, который это запрещает!

Немного дальше в другом загоне молодой паренек приучал к седлу чистокровного однолетку, который отчаянно брыкался. Билли-Перл немного понаблюдала за ним, а потом крикнула:

– Давай, не опускай руки! Ты пока слишком многого от него хочешь!

Она подъехала к Полин и ловко соскочила с лошади.

– А хочешь, прокатись на Дэнсе! У нас есть несколько минут.

Полин тщетно пыталась объяснить Билли-Перл, что с верховой ездой покончено, она состарилась и теперь ухаживает за лошадьми, а не ездит на них. Подруга ничего не хотела слышать. Полин положила руку на шею Дэнсы, заглянула в ее прекрасные ласковые глаза. Она все еще колебалась, но Билли-Перл одобрительно кивнула, и Полин вставила ногу в стремя и ловко вскочила в седло.

– Вот так-то, мисс!

Кобыла слушалась свою наездницу. «Понимает, что имеет дело со старушкой», – пошутила она, и Билли-Перл закатила глаза.

Дэнса пошла шагом, точно выполняя команды, которые вполголоса давала ей Полин «Ей, должно быть, скучно, – подумала она смущенно, чувствуя под собой крепкое горячее тело. – Все-таки внучка Командора».

Они продолжали прогуливаться со степенной элегантностью, словно собирались на чай к светским дамам, но по другую сторону загона вдруг появилась фурия в обличье Билли-Перл на молодом сером жеребце. Издав ковбойский клич, от которого кровь стынет в жилах, она сделала знак пареньку, чтобы тот открыл загон и выпустил Дэнсу с Полин, и пустилась вскачь по проселку, низко опустив на лоб стетсон, как в старые добрые времена их юности. Дэнса стрелой полетела за ней; Полин уцепилась за гриву лошади.

– Ты совсем спятила! – крикнула она в панике глядя на бешеное мелькание длинных черных ног.

И вдруг почувствовала, что к ней возвращаются давние навыки: спина выпрямилась, голова больше не уходила в плечи, бедра покачивались в такт галопу Дэнсы. Страх исчез, уступив место ликованию.

Серый жеребец неся на бешеной скорости, Дэнса мчалась за ним следом; эта неожиданная гонка вызвала восторг у работников ранчо, которые подбадривали их громкими криками. Опьяненная скоростью, Полин не видела ни окружающего пейзажа, ни земли, ни неба, только подрагивающие уши своей лошади и прыгающий серый круп впереди. Она слышала лишь свое дыхание и тяжелое дыхание Дэнсы, а еще ржание других мустангов. Для нее словно воскрес Командор со всей его мощью, великолепием, чуткостью; он до сих пор иногда ей снился – совершенство среди лошадей.

Наконец под аплодисменты зрителей лошади со смеющимися наездницами остановились. Полин едва переводила дыхание, но уже не сердилась на подругу. На что сердиться, если они пережили мгновения несказанного счастья? Как раньше.

– Я была права, ты ничего не забыла, – сказала Билли-Перл, глядя в сияющее лицо подруги. – Траурный марш не для Дэнсы.

– Я догадалась.

Билли-Перл одним движением развернула своего годовалого жеребца, чтобы Полин могла полюбоваться его удивительными синими глазами.

– Господи! Так это о нем ты вчера говорила? Это внук Дастина? – воскликнула она.

Билли-Перл подтвердила: да, о нем, это внук Дастина, его зовут Орел, и он такой же замечательный, как его дед. Полин слушала, как подруга расхваливает жеребца, и вспоминала, как впервые увидела табун мустангов – Командора, Дастина, Хука, Тундру, Ракету... Этим лошадям было суждено сыграть такую важную роль в ее жизни.

– Ты на часы вообще смотрела? Нам же пора ехать!

Билли-Перл свистнула в два пальца (Полин очень хотелось научиться этому, но у нее так и не получалось), подбежала молодая женщина и увела лошадей. Подруги сели в «жук» Билли-Перл. До Рино было минут двадцать, а трансляция матча на суперкубок, в котором встретятся «Сент-Луис Рамс» с «Теннесси Тайтенс», начнется в половине четвертого. Шоссе 395 приведет их прямо в центр, останется только свернуть к центру города и Вирджиния-стрит.

По дороге Билли-Перл подтрунивала над Полин из-за Ника, о котором, впрочем, почти ничего не знала. Та не отрицала, что Ник появился в ее жизни совсем недавно, но занял в ней прочное место. Он немного моложе ее, ландшафтный дизайнер, в разводе, у него сын двадцати лет. Живет неподалеку от Дансмюра, в пятнадцати минутах езды от ее дома. Билли-Перл хотела знать, какой он из себя. Высокий, с карими глазами и красивыми руками; молчаливый, но с замечательным чувством юмора. Наездник, разумеется, никудышный, но...

– Поняла-поняла, – рассмеялась Билли-Перл.

– А что у тебя? – спросила Полин. – Все еще встречаешься с тем заводчиком? Или вы расстались?

Личную жизнь подруги, как всегда, омрачали всевозможные сложности. Полин слушала ее не перебивая.

Тем временем они подъехали к Рино.

– Я знаю, что ты сейчас скажешь: не узнаю своего Рино, – усмехнулась Билли-Перл, обводя рукой небоскребы, которые высились со всех сторон.

Она была совершенно права: маленький городок с десятью тысячами жителей, куда в сороковых годах приехала маленькая Полин, изменился до неузнаваемости: разросся, наполнился людьми и машинами. Теперь его население насчитывало двести тысяч человек, большинство старых домиков с кровлей из гонта – как у бабушки Полин на Вашингтон-стрит – снесли и заменили офисными зданиями, жилыми комплексами и торговыми центрами. По мнению Полин, Рино утратил былое очарование. Только горы со снежными вершинами на горизонте остались прежними.

Квартал вокруг гостиницы «Мэйпс» был оцеплен силами правопорядка. Между Второй Восточной улицей, Центральной улицей и Норд-Сьерра-стрит все было заблокировано, но Билли-Перл удалось пересечь реку по Эрлингтон-авеню и в последнюю минуту припарковаться рядом с Уэст-Либерти-стрит. Подруги поспешили присоединиться к толпе, собравшейся на южном берегу реки Траки. Стоя перед мостом на Вирджиния-стрит, с высоты Милл-стрит они прекрасно видели весь северный квартал и обреченную гостиницу. Подругам пришлось поработать локтями, чтобы пробиться в первые ряды и оказаться метрах в пятистах от «Мэйпса». Полин поразило количество народа: интересно, сколько здесь людей? Одна, две тысячи? «Больше, намного больше», – ответила Билли-Перл, впечатленная не меньше подруги, и махнула рукой в сторону многочисленных репортеров с камерами. «Снос гостиницы не оставил общественность равнодушной, – подумала Полин. – Многим захотелось приехать».

Стоя перед камерой, какой-то журналист подробно описывал, как будет взорван «Мэйпс»: в опорных колоннах пяти этажей пробито четыреста отверстий, в общей сложности в них заложено пятьдесят килограммов взрывчатки. В итоге здание высотой сорок метров буквально рассыплется в воздухе. Толпа слушала репортера открыв рот.

Полин заметила несколько знакомых лиц и почувствовала легкое волнение. Впрочем, имен пришельцев из прошлого она вспомнить не могла, поэтому просто кивала им и улыбалась.

Рядом с Полин и Билли-Перл стояла молодая женщина в синей шапочке. Со слезами на глазах она стала рассказывать, что ее отец долгие годы работал в казино «Мэйпс» и в дни выплаты жалованья часто брал ее с собой. Но теперь красочная страница истории Рино будет стерта! Гостиница заслуживала лучшего, чем стать горой обломков.

– Такое красивое здание! – воскликнула женщина. – Да вы только на него посмотрите!

Она прибавила, что «защитники» боролись за отель до последнего, некоторые из них и сейчас скандировали: «Спасите „Мэйпс“!» После взрыва они устраивали поминки с игрой на волынке.

Женщина, стоявшая за Полин и Билли-Перл, слушая этот разговор, пожала плечами и вздохнула. По ее мнению, не стоило цепляться за прошлое. На протяжении двадцати лет гостиница приходила в упадок, и ее никак нельзя было назвать красивой. Так что да здравствует прогресс и обновление Рино!

Рядом стояла веселая компания из Оберна, штат Калифорния. Друзья приехали покататься на лыжах, посмотреть матч и увидеть взрыв гостиницы.

– Будет что-то феноменальное! – сказал один из них с улыбкой. – Лучше, чем в кино.

Полин обратила внимание, что многие с гордостью держат красные кирпичи и сертификаты с логотипом гостиницы, удостоверяющие их подлинность. Логотип – два ковбоя на мустангах – она узнала с первого взгляда. Кирпичи чем-то напоминали хлебцы, которые продавались по доллару на углу улицы.

– Хочешь сувенир на память? – спросила Билли-Перл.

– Нет, – ответила Полин и подумала: «А может, все-таки хочу?»

До них долетали обрывки разговоров: *«А ты помнишь?.. На каком это этаже?.. На седьмом... Нет, на пятом!.. Ай-ай-ай, молочный коктейль в стаканчиках, лучший в мире... А мне больше нравился зальчик для мероприятий... Мы там праздновали тридцатилетие Кэтлин, веселились до упаду... А помнишь Эдди, он был такой милый, работал с телефонистками?.. Слава богу, Миранда не видит этого ужаса, она бы так плакала... Свадьба Барбары и Джо была потрясающей, мы танцевали всю ночь... Что ни говори, а это был высший класс... А ты помнишь, как Рики выиграл в казино? Никогда этого не забуду!»*

Не слушать все это было просто невозможно. Опираясь на руку сиделки, пожилая дама показывала дрожащим пальцем на застекленный бар и говорила, что там на студенческом балу познакомилась с мужем. Полин обратила внимание на немолодого мужчину; он был один и держал в руках красную розу. Пристально вглядывался в фасад здания. Почему он пришел сюда сегодня? Какую историю не смог забыть?

Полный мужчина лет шестидесяти подошел и вежливо спросил, не Полин ли она. С ним были жена и дети. Полин совершенно его не помнила, но, чтобы не обидеть, сделала вид, что помнит. Его звали Нейт, когда-то он работал с Максом в отделе бронирования. Макса Полин смутно припоминала. Хлопнув себя по животу, Нейт засмеялся: в те времена он не таскал такое пузо, да и волос было побольше. Полин тоже рассмеялась.

– Мы называли тебя Французенка, как сейчас помню, – весело продолжил Нейт и игриво подмигнул ей, что, кажется, не понравилось его жене.

– И правильно, я же родилась в Париже, – отозвалась Полин.

Серое небо еще больше нахмурилось, надвигался снегопад. Люди жались друг к другу, защищаясь от холода. Полин взглянула на часы. Уже почти восемь. Словоохотливый Нейт рассказал, что опечаленные владельцы гостиницы тоже здесь. Они не сумели спасти свой любимый отель.

Полин размышляла, как избавиться от общества Нейта, как вдруг в коренастом бородаче, который встал перед ними, с радостью узнала своего сводного брата Джима. Он не сомневался,

что они здесь увидятся, но все-таки шутливо пожурил Полин за то, что она не предупредила о своем приезде. Вмешалась Билли-Перл: это ее вина, это она вытащила Полин в Рино и... ни о чем не подумала.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Джим, ласково обнимая Полин. – Рада, что приехала сюда?

Джим был как две капли воды похож на Дага Хаммонда, своего покойного отца: та же лукавая улыбка, ясный взгляд голубых глаз, широкие плечи. Едва взглянув на сводного брата, Полин вспомнила отчима-американца, которого ей до сих пор не хватало. Даг ворвался в жизнь ее матери в Париже вместе с грохотом и сумятицей освобождения. Родного отца Жака Базеле Полин не помнила, он умер от рака в 1939 году, когда она родилась. Вырастил и воспитал ее Даг Хаммонд, второй муж матери, здесь в Рино. Вопреки ожиданиям, пересадка на новую почву прошла успешно.

Джим прошептал ей на ухо, чтобы не оборачивалась: за ними стоял Кендалл Спенсер. Полин не послушалась и бросила взгляд через плечо. Она сразу его увидела. Он постарел, но сохранил манеры и осанку патриция: прямая спина и самодовольный вид, который она так ненавидела. Густые волосы отливали серебром, и она была вынуждена признать, что он красив, как в их юности. Тогда она была такой наивной.

Кендалл Спенсер наконец почувствовал устремленный на него взгляд. Кажется, он колебался. Узнал ли ее? Все-таки прошло сорок лет. Она тоже изменилась: остригла длинные волосы, поседела. Но по-прежнему была стройной. Когда взгляд Кендалла остановился на ней, Полин поняла, что он все-таки узнал ее. Почти робко поднял руку.

– Не обращай внимания, – шепнул Джим.

– Грязная скотина, – прошипела Билли-Перл.

Неподалеку опять появилась съемочная группа. Новостной канал продолжал искать тех, кто работал в гостинице, чтобы взять у них интервью.

– Эй, идите сюда! – закричала Билли-Перл и указала на Полин. – Да-да, к нам!

Прежде чем ошеломленная Полин успела возразить, на нее уже нацелилась камера и под нос ей сунули микрофон. Молодая женщина сыпала вопросами.

– Доброе утро, как вас зовут?

– Полин Базеле, – растерянно ответила Полин.

– Вы из Рино? Кто вы по профессии?

– Я ветеринар, живу в Калифорнии, но выросла в Рино.

– Вы работали в «Мэйпсе»? В какое время?

– С тысяча девятьсот пятьдесят седьмого по тысяча девятьсот шестидесятый.

– Кем вы работали?

– Горничной и уборщицей на первом этаже. Я была совсем молоденькой.

Взгляд Полин вновь обратился к гостинице – полуразрушенная и обветшавшая, она все же выглядела величественно. У Полин перехватило горло.

– Не могу сдержать волнения! Эта гостиница была целым миром. Нас много там работало. Да еще постояльцы. Постоянные перемены. Всегда что-нибудь происходило.

Журналистка заглянула в свои записи.

– Значит, вы работали здесь летом тысяча девятьсот шестидесятых, когда в «Мэйпс» приехал Джон Хьюстон со съемочной группой, собираясь снимать «Неприкаянных»?

От волнения у Полин задрожали губы.

– Да, работала. И я хорошо помню то время.

– До исчезновения «Мэйпса» осталось несколько минут. Скажите буквально в двух словах, чем вам запомнится эта гостиница? Ведь вы работали здесь, когда отель был в зените славы.

Полин не думала ни о каких интервью, она была к ним не готова. Волнение мешало говорить, но она с удивлением обнаружила, что сейчас не вспоминает ни постыдные тайны кабинета Кендалла, ни деспотические замашки Милдред Джонс, ни запах туалетов первого этажа.

Она видела только силуэт женщины с пышными формами, которая стояла перед окном апартаментов номер 614 с бокалом шампанского в руке.

Он словно вернул Полин уверенность, и она сказала, ничуть не смущаясь:

– Летом шестидесятого года случилась встреча, которая изменила всю мою жизнь.

– Замечательно! И вы расскажете нам о ней?

– С радостью.

В этот момент журналистке через наушники сообщили, что время пришло. Интервью придется прервать, оно продолжится сразу после взрыва.

Гостиница «Мэйпс» исчезнет. Прямо сейчас.

Рино, Невада *Лето 1960 года*

Полин не успевала вовремя и нервничала, представляя поджатые губы Милдред Джонс и ее грозно сдвинутые брови. А все из-за опоздания миссис Шелдон, их соседки, которая каждое утро любезно подвозила ее с Вашингтон-стрит на Вирджиния-стрит. Гостиница «Мэйпс» находилась в сорока пяти минутах ходьбы от дома Полин, однако для трехлетней Лили это было слишком далеко. Иногда Полин с дочерью подвозила на своем автомобиле ее мать, Марсель Хаммонд, но расписание парикмахерской не совпадало с расписанием Полин, так что это случалось нечасто. После работы, в шестнадцать часов Полин с Лили возвращались домой на автобусе.

– Хорошо отдохнула, милая? – спросила миссис Шелдон, уткнувшись подбородком в руль. Сегодня она вела машину еще медленнее, чем обычно.

Миссис Шелдон работала продавщицей в магазине трикотажных изделий на Райленд-стрит.

– Да, спасибо, очень хорошо. Две недели были на озере Тахо, вернулись вчера вечером. Лили там очень понравилось.

Миссис Шелдон одарила сияющей улыбкой девочку, устроившуюся у матери на коленях. Такая лапочка! А кто будет за ней присматривать, пока Полин будет на работе? Полин прочистила горло. Лили побудет у портнихи на Пикард-плейс; она присматривает еще за одним ребенком. Полин не стала объяснять, что все устроил отец Лили, и он же платит портнихе. Она не сомневалась, что миссис Шелдон известны все подробности. Весь Рино, похоже, знал о страданиях Марсель. Эта девочка, рожденная восемнадцатилетней дочерью вне брака, стала трагедией всей ее жизни.

Лили напевала веселую песенку, которую передавали по радио, – «Клоун Кэти» братьев Эверли. Полин ласково обнимала дочку, целовала в макушку и пела вместе с ней. Лили всегда была в превосходном настроении, что смягчило даже Марсель – со временем она стала любящей бабушкой.

– Как мама себя чувствует? Надеюсь, хорошо? – продолжала расспросы миссис Шелдон. – Ей, наверное, понравилось на озере Тахо.

«Если бы миссис Шелдон ехала хоть немного быстрее!» – сокрушалась про себя Полин. Уже девять часов! Она не стала рассказывать соседке, что мать с утра до ночи придиралась к ней, ругалась, жаловалась и заливала горе бурбоном. Впрочем, ни для кого из близких знакомых не было секретом пристрастие Марсель к алкоголю.

– Да, она была очень довольна, – соврала Полин.

– Когда туда приехал ее обожаемый Гейбл, Марсель, наверное, была на седьмом небе от счастья.

В сорок пять лет мать Полин, как подросток, влюблялась в звезд киноэкрана.

– Она все надеется, что он придет в «Марсель из Парижа» стричься, – ответила Полин с отчетливым французским акцентом, вызвав у миссис Шелдон смех. Очень громкий, но совершенно беззлобный.

В 1950 году Марсель Хаммонд открыла парикмахерскую на Уинтер-стрит. Несмотря на то что хозяйка периодически страдала от похмелья, дела у нее шли неплохо. Многим клиентам грела душу мысль, что они стригутся у настоящей француженки.

– Возможно, и мне посчастливится. Вдруг Кларк Гейбл забежит в туалет на первом этаже, – прибавила Полин. – Тогда и я его увижу.

Двойной подбородок миссис Шелдон заколыхался от смеха, но, когда она обернулась к Полин, во взгляде соседки сквозила жалость. А жалости Полин не выносила. «Не позволяй никому себя жалеть, мисс, – повторяла ей Билли-Перл. – Никому из них не взять над нами верх!» К счастью, они доехали до моста на Виктория-стрит, и разговор оборвался.

Оставив Лили у миссис Абигейл, Полин побежала в «Мэйпс». Она вошла в гостиницу через служебный вход на Ист-Фёрст-стрит. Безжалостное летнее солнце пекло вовсю. Полин отметилась, молясь, чтобы ее опоздание осталось незамеченным, и торопливо поздоровалась с коллегами. У лифта, где Милдред Джонс обычно поджидала «своих девочек» по утрам, никого не было. В «Мэйпсе» Милдред властвовала над всеми горничными.

Полин понеслась в женскую раздевалку на нижнем этаже, где сменила джинсы и майку на бордовое форменное платье, которое терпеть не могла. Жесткая ткань раздражала кожу, да и фасон ей совсем не шел – в талии широко, юбка длинная. В этом платье она казалась слишком высокой и костлявой. Но хуже всего был белый передник с оборками. Полин быстро подобрала волосы и подколола их двумя заколками, потом надела черные кожаные туфли «оксфорд». Их она тоже ненавидела, в этой обуви ноги становились огромными, как корабли.

В гардеробную влетела еще одна молодая женщина, она тоже опаздывала. Китти, горничная на верхних этажах, старше Полин, ей исполнилось двадцать три. Уже замужем и с двумя детьми. «Ну и угодили мы в переплет!» – бросила Китти. Она никак не могла отдышаться и в спешке, натягивая темно-синее форменное платье, чуть не порвала его. Потом на ходу рассказала обо всех важных событиях, которые случились за время отпуска Полин. Рино наконец попал в водоворот гламура, центром которого стала гостиница «Мэйпс». Это было чертовски захватывающе. Оказаться под одной крышей с Мэрилин Монро! Просто восторг! Никто из персонала ее пока не видел. После съемок она оставалась в номере со своей командой: преподавателем актерского мастерства, массажистом, секретарем, парикмахершей, визажистом, костюмером и так далее.

Но Китти повезло, она видела Кларка Гейбла! Черт побери, вот это мужчина! Красавец, даже в свои годы. Говорят, режиссер Джон Хьюстон каждый вечер сидит в казино; ночная смена диву дается, сколько он там проигрывает. У лифта она пересеклась с Монтгомери Клифтом: такой красавчик! Но ни Илая Уоллака, ни Тельму Риттер пока не видела; впрочем, они не такие знаменитые. Из-за всей этой суеты Милдред Джонс лютует еще больше; теперь она превратилась в настоящего тирана. Изображая начальницу, Китти поджала губы и покачала головой. Полин прыснула. Китти посоветовала ей быть осторожнее и заметила, что сейчас туалеты, возможно, – самое спокойное место в отеле. Милдред туда не заглядывает, она муштрует горничных на этажах из-за того, что в «Мэйпс» нагрянул Голливуд. Это просто кошмар! Полин даже представить этого не может! Милдред постоянно торчит у них за спиной – у нее, у Пилар, у Линды – и по сто раз повторяет то, что они и так выучили наизусть: корзины с фруктами, сувенир при заселении, букеты цветов, вечерняя уборка и так далее. Можно подумать, что «Мэйпс» перенесся в Беверли-Хиллз с его шикарными отелями! Китти с улыбкой потрепала Полин по щеке.

– Совсем забыла, что голливудские звезды тебя мало интересуют. Для тебя существуют только мустанги, верно?

Китти была почти права. Полин ответила, что все же на первом месте для нее дочь, а уж потом мустанги. Когда выдастся свободная минутка, Полин расскажет Китти об отдыхе на озере Тахо. Лили не вылезала из воды. И фотографии тоже покажет, как только они будут готовы.

Перед служебным лифтом они поспешно попрощались: Китти теперь поднимется на седьмой этаж, а Полин возьмет моющие средства и щетки и отправится мыть туалеты на первом этаже.

В вестибюле гостиницы сегодня было много народу. Гораздо больше, чем обычно. Вестибюль, оформленный в стиле ар-деко, с шестью квадратными колоннами из редких пород дерева, покрытых лаком, и приглушенным освещением был нервным центром гостиницы, и Полин нравилось за ним наблюдать. Здесь появлялись утомленные путешествием клиенты с горой чемоданов; другие как раз уезжали, и их дожидалось у входа такси; кто-то стоял у стойки, собираясь поговорить с дежурным администратором, кто-то назначил здесь встречу. Полин усвоила: вестибюль – очень важное место, ведь по нему гость составляет первое впечатление об отеле. Вестибюль должен быть безупречным, таково правило.

Полин подумала, что сегодня здесь столько народу из-за съемок голливудского фильма. В Рино уже несколько недель только об этом и говорят. Тем, кто не интересуется кино, например ей, эти разговоры уже надоели. Полин заметила несколько человек с фотоаппаратами. Мать говорила, что известное международное информационное агентство готовит репортаж о съемках фильма. Интересно, она увидит кого-нибудь из актеров, как Китти? Вряд ли. Полин слышала, что сейчас съемки проходят на открытом воздухе и актеры возвращаются в отель очень поздно. А на первом этаже она точно никого не увидит.

Хорошо, что ей не приходилось чистить большой зеленовато-голубой ковер в вестибюле. Эта работа Ферн, и та как раз ею и занималась. Полин поздоровалась с ней и дежурным посыльным Марти едва заметным кивком; Марти и швейцар Эрнесто подмигнули ей в ответ. Она прошла мимо стойки ресепшен и встретила взглядом с Линкольном; он разговаривал с какой-то дамой – слышался ее властный голос. В туалетах, слава богу, никого не было. Встав на колени, Полин принялась энергично отмывать унитаз – первый за этот день, но уж точно не последний.

Сколько еще она здесь выдержит? Сколько сможет терпеть? Планировалось, что после рождения Лили она с Линдой, Пилар и Китти будет убирать номера наверху. Поначалу так оно и было. Кендалл Спенсер сдержал слово: нашел ей место в «Мэйпсе», не оставил ее с Лили в безвыходном положении. К тому же он платил няне, чтобы Полин могла зарабатывать. Кендалл обещал ей счастливое будущее, и она, наивная дурочка, верила. Так прошел год, но Полин так и не нашла ничего лучше. Она ведь даже не получила аттестат об окончании школы, потому что в 1957 году забеременела. Кто предложит хорошую работу матери-одиночке без образования?

Через год Милдред Джонс отправила ее мыть туалеты на первом этаже. Кендалл говорил, что это временно и совсем ненадолго, но она ему больше не верила. Перевод, как ни странно, совпал с пышной свадьбой Кендалла. Он наконец женился на Эвелин Стюард, с которой был помолвлен много лет. Она была наследницей богатых скотоводов и землевладельцев штата Невада, известных еще с девятнадцатого века. «Новоиспеченная миссис Спенсер, видимо, узнала о существовании Лили, – подумала Полин, – пришла в ярость и таким образом отомстила». Полин молча сносила выпадавшие на ее долю несчастья. Жила с малышкой у матери с отчимом. Ей слишком мало платили, чтобы мечтать снять себе квартиру.

Стук каблучков по мраморной плитке возвестил о прибытии Милдред Джонс. Только Полин успела выпрямиться, как начальница встала напротив нее; от нее так и веяло недовольством. Полин приготовилась получить выговор за опоздание и внутренне сжалась. Обычно выговор длился не больше трех-четырёх минут. Нужно было продержаться. И Полин нашла способ: она представляла себе Командора. Вороной жеребец делился с ней силой и выносливостью. Даже с открытыми глазами Полин умудрялась не видеть Милдред; она словно переносилась в стойло к Командору и трепала его по мощной атласной шее. Иногда Командор вспарывал ввысь, как Пегас на широких крыльях, и Полин улетала с ним, свободная и безмятежно счастливая.

Однако Милдред этим утром была не такой, как обычно. Было заметно, что она вся на нервах: закусила губу, ломает пальцы. Полин поняла, что помощь Командора ей сегодня не понадобится. Милдред положила руки ей на плечи и заставила выпрямить спину, поправила на девушке передник, разгладила воротничок платья и заправила выбившуюся прядь.

– Так-то лучше, – сказала Милдред чуть ли не шепотом, изумив ту еще больше.

Полин должна немедленно подняться на седьмой этаж. Универсальным ключом она откроет шкаф с моющими средствами, щетками, тряпками и всем прочим. Немедленно, да! Как можно скорее. Она ведь не забыла, как убирать в номерах? Милдред сама ее всему научила. Порядок уборки в апартаментах почти такой же, просто нужно больше времени. Но Полин работает быстро. Ей вполне хватит двух часов на то, чтобы в одиночку навести чистоту в апартаментах – в гостиной, столовой, на кухне, в спальне и ванной комнате. На все про все – ровно два часа, потом Полин спустится на первый этаж и вернется к своим обязанностям.

Полин всеми силами старалась не выказывать изумления; она никогда не видела Милдред в таком состоянии.

– П-п-почему я? – пробормотала она, когда Милдред повела ее к лифту через оживленный гостиничный вестибюль. В минуты сильного волнения она немного заикалась.

Милдред привстала на цыпочки, чтобы дотянуться до уха Полин, и та почувствовала едкий запах пота.

– Потому что Пилар сломала запястье! Никто не знает, когда она сможет вернуться к работе. Это просто катастрофа! Придется сделать много перестановок. Сегодня утром только ты можешь подменить Пилар.

В лифте обе молчали. Полин избегала пылких взглядов лифтера – Гаспар питал к ней нежные чувства.

На седьмом этаже Милдред протянула ей ключ от номера.

– Апартаменты номер шестьсот четырнадцать. Они уехали на целый день. Давай, Полин. За работу.

Милдред оставила ее одну в длинном коридоре, застланном ковровым покрытием медового цвета. Здесь царила тишина; после шумного вестибюля это было особенно заметно. Слышалось только тихое жужжание кондиционера. Полин отправилась в подсобку седьмого, открыла ее и взяла тележку Пилар. Ей было жаль коллегу: сломать запястье! Какая беда!

Полин ни разу не бывала в угловых апартаментах «Мэйпса»; они считались самыми дорогими и роскошными. Работая горничной на этаже, она убирала обычные номера, не такие огромные, но их было много. Однако порядок уборки был везде одинаковым.

Для начала нужно как следует проветрить номер, открыв все окна – неважно, жара на улице или холод. Потом застелить постель. Грязные простыни бросить в корзину для белья на нижнем уровне тележки. Вытряхнуть мусорные ведра и пепельницы, поменять мешки для мусора. Забрать использованные чашки и стаканы, поставить чистые. Посмотреть, что взяли из мини-бара. Вытереть пыль со всех поверхностей. Пройтись пылесосом по полу, ковру, занавескам и мебели. В ванной комнате забрать использованные полотенца и коврики. Аккуратно сложить вещи клиентов. Вымыть раковину, краны, душ, извлечь волосы (навязчивая идея Милдред), вымыть унитаз (теперь для Полин это проще простого), протереть полотенцесушитель. Положить мыло, шампунь, туалетную бумагу. Повесить чистые полотенца. Подмести, пропылесосить, протереть влажной тряпкой. Закрыть окна, выйти и запереть дверь.

Вторжение в личную жизнь незнакомых людей странным образом завораживало Полин. Наводя в комнатах чистоту, она невольно представляла себе жизнь постояльцев. В большинстве случаев это было отнюдь не романтично. Простыни рассказывали обо всем; она снимала их, чувствуя легкую тошноту. Встреча с любовницей после работы (упаковки от презервативов, а иногда и того хуже, использованный презерватив), свадебное путешествие (множество пятен), бессонница (пятна от алкоголя, пепел от сигарет), завтрак в постели (крошки, кофейные пятна), случившиеся ночью неприятности (недержание, потливость, последствия пьянок или пищевой аллергии, менструальные выделения). Полин рассматривала – а как иначе? – косметику клиенток: духи, тени, тушь, помаду, и их одежду, которую вешала в шкаф или аккуратно складывала.

Стоя перед двойной дверью апартаментов 614, она, как учила Милдред, быстро постучалась три раза.

– Добрый день! Уборка номеров!

Нужно убедиться, что постояльца нет в номере. Она знала это по собственному неприятному опыту. Однажды, открыв дверь без этой предосторожности, наткнулась на парочку, которая занималась любовью.

Полин прислушалась – за деревянными створками тишина. Постучалась еще раз. И опять тишина, ни шороха. Милдред ведь предупредила: в номере никого не будет. Полин открыла дверь ключом, полученным от начальницы, вошла с тележкой и оставила ее в прихожей.

Обои бледно-бежевого цвета с ненавязчивым узором в виде папоротника, пушистые ковры на полу такого же оттенка. Заглянув в анфиладу комнат, погруженных в полумрак, потому что шторы задернуты, Полин со вздохом огорчения отметила страшный беспорядок: везде грязные стаканы и тарелки с остатками еды, на ковре валяются пустые бутылки, пепельницы переполнены, одежда висит на стульях и лежит на полу.

Два диванчика сине-зеленого цвета с маленькими пастельными подушками стояли один напротив другого. Низкий столик со стеклянной столешницей, которую, как заметила Полин, непросто будет оттереть. И букет увядших белых роз, который нужно заменить свежим. Дальше располагалась столовая, а за ней виднелась кухня.

Воздух в апартаментах был тяжелым, но запах не показался Полин неприятным: смесь трубочного табака с женскими духами. Однако первым делом – проветривание. Полин раздвинула шторы и распахнула окна. Открывшаяся панорама завораживала: она видела весь Рино с синей лентой реки Траки, петляющей до самого горизонта. Полин решила сначала заняться гостиной, столовой и кухней, а закончить уборку спальней и ванной комнатой. Апартаменты намного больше стандартных номеров, к которым она привыкла, а времени у нее всего два часа! Надо успеть управиться.

Полин быстро собрала тарелки и стаканы, вымыла, вытерла и поставила посуду на место. Вытряхнула пепельницы, выбросила бутылки, аккуратно сложила одежду (платья, блузки, женские брюки). Потом она уберет все это в гардероб в спальне. Около проигрывателя несколько пластинок без обложек. Полин вложила их в конверты, отмечая про себя имена исполнителей – Элвис Пресли, Фрэнк Синатра, Элла Фицджеральд. Вооружившись тряпкой и метелкой из перьев, она работала старательно и сосредоточенно. Успеет. На этот раз Милдред будет довольна. Периодически Полин слышала, что звонит телефон, но она знала, что не имеет права снимать трубку. Если Милдред потребуется что-то ей сказать, она сама сюда поднимется.

Она включила пылесос – модель была старой, прибор громоздкий и шумный. Его приходилось толкать изо всех сил, чтобы убрать пыль под креслами и столами. Бедная Пилар, как она будет со всем этим управляться со сломанным запястьем? Размышляя об этом, Полин вдруг обнаружила, что не одна в комнате.

Она подняла голову и увидела обнаженную женщину с растрепанной прической. Полин вскрикнула от неожиданности и поспешила выключить пылесос. Заикаясь, она стала извиняться, объяснять, что стучалась и была уверена, что в номере никого нет. Скорее всего, она разбудила клиентку пылесосом.

– Ничего, – пробормотала женщина, протирая глаза.

Она, похоже, была не в себе и едва держалась на ногах.

Полин охватила паника. Она чувствовала, что покраснела до корней волос. Господи, что же теперь делать? Убежать и бросить уборку? Или опять включить шумный пылесос и довести дело до конца? Раздумывая, она теряла время. И уже представляла себе ярость Милдред.

– Можно мне «Кровавую Мэри»? – послышался тихий мягкий голос. – Пожалуйста.

– Конечно, мадам.

Боже, какой же телефон у отдела обслуживания номеров? Клиентка, наверное, считает ее самой тупой и нерасторопной горничной на свете! Вдруг Полин осенило. Голая дама, по-прежнему в прострации, направилась в ванную, а Полин выскочила из номера и вызвала лифт. Прежде чем ее поклонник Гаспар успел открыть рот, она попросила его о помощи.

– Понял, – радостно сказал он. – Одну «Кровавую Мэри» в шестьсот четырнадцатый.

Женщина теперь лежала на диване в гостиной, все еще без одежды. Полин никогда не была в такой неловкой ситуации. Она присмотрелась к клиентке повнимательнее. У нее была удивительная кожа, белая, будто сливки и как будто даже немного светилась. А вот волосы в ужасном состоянии. Полин сразу подумала, что сказала бы ее мать по поводу коротких пересушенных прядей, которые торчали, как солома.

Женщина положила голову на руку, ее взгляд блуждал. Потом она повернулась к Полин. Белки ее глаз были в красных прожилках, на щеках – потеки туши. Тело налитое, округлое, с тяжелыми грудями.

– П-п-продолжать мне уборку, мадам?

Женщина вяло махнула рукой, что, видимо, означало: «Продолжайте». Полин перешла в спальню. Там было темно и невыносимо жарко: кондиционер выключен, на окнах темные шторы. Полин пыталась их раздвинуть, когда раздался звонок в дверь. Она побежала открывать. За дверью стоял Педро из отдела обслуживания номеров с коктейлем на подносе.

– Надо же, француженка! – удивленно прошептал он. – А что ты делаешь на седьмом? Неужели больше не будешь мыть туалеты?

Педро собирался войти, но Полин вспомнила, что дама так и лежит на диване голышом, и загородила ему дорогу. Она взяла с подноса бокал, поблагодарила и сказала, что сама отнесет коктейль клиентке.

– Как скажешь, – отозвался он. – И не забудь пожелать миссис Миллер хорошего дня.

То, как он произнес «миссис Миллер», пробудило в Полин любопытство, и она внимательно посмотрела на Педро. Но он только многозначительно подмигнул ей и ушел. Что, черт побери, он имел в виду? Что миссис Миллер расхаживала голой все утро? Может, она горячая штучка? Или что-то еще? Щеки Полин вспыхнули. Ладно! Ее все это не касается.

Когда Полин вернулась в гостиную, женщина говорила по телефону, накручивая провод на палец.

– Я не готова, – сказала она голосом маленькой девочки. – Я только что проснулась. Нет, не приходи сейчас, Пола. Дай мне еще немного времени.

Полин поставила коктейль на столик, гадая, кто такая эта Пола, и стараясь не смотреть на золотистые волоски на лобке – они, похоже, были покрашены в тот же тон, что и волосы.

Женщина повесила трубку и взяла коктейль. Полин заметила, какие у нее красивые тонкие руки.

– Спасибо, – с улыбкой поблагодарила женщина.

У нее была обаятельная улыбка и идеально ровные мелкие зубы, но из-за покрасневших глаз, тусклых волос и бледной кожи женщина казалась больной. Может, она и правда болела.

Полин сделала глубокий вдох.

– П-п-пожалуйста, миссис Миллер... Не могли бы вы...

– Что, золотце?

От этого «золотца» Полин растерялась еще больше. Миссис Миллер обратилась к ней так ласково и непринужденно, словно они были давно знакомы.

– Не могли бы вы... пожалуйста... надеть халат? Я могу его принести.

Миссис Миллер уставилась на нее. Секунды тянулись бесконечно. Полин внутренне сжалась. Что она наделала? Попросила клиентку одеться! Теперь все. Ее точно выгонят. Выставят за дверь. Прощай, «Мэйпс». Все кончено. Она уже видела, как, низко опустив голову и сгорая от стыда, бредет по Вашингтон-стрит. Где ей искать новую работу?

Миссис Миллер перевела непонимающий взгляд с Полин на себя, потом снова посмотрела на Полин. Похоже, она не замечала, что не одета.

– А-а-а, – наконец протянула она. – Ну конечно! Принесите мне халат, будьте добры.

Полин перевела дух, принесла из ванной халат и помогла миссис Миллер одеться.

– С-с-спасибо, миссис Миллер.

Женщина снова улыбнулась ей.

– Немного заикаетесь? Я тоже. С детства.

Разговор вдруг принял неожиданный оборот. Полин никогда не обсуждала своего заикания. Ни с кем, и уж точно не с клиентами отеля.

– Да, я тоже с детства, – призналась она.

– Сколько вам лет?

– Двадцать один, мадам.

– Совсем молоденькая. И случается это, когда вы волнуетесь, так?

– Да, мадам.

– Если это вдруг произойдет в разговоре со мной, не переживайте. Знаете, у меня до сих пор такое случается, даже в моем возрасте. Порой это неприятно.

Полин не понимала, сколько лет миссис Миллер. Около тридцати? Но на ее лице была написана такая усталость. Может, ей даже больше?

– Извините, но мне нужно продолжить уборку, – сказала Полин, взглянув на часы. – Я еще не закончила.

Снова зазвонил телефон, и миссис Миллер с утомленным видом взяла трубку. Полин снова принялась за работу. В спальне, которую она теперь видела при свете дня, царил невообразимый беспорядок. Повсюду валялась одежда, но как ни странно, никакого нижнего белья, стаканы со следами губной помады, с десятков пустых маленьких бутылочек шампанского *Piper Heidsieck*, журналы, газеты. Вереница итальянских лодочек и босоножек простиралась до самой кровати. Туалетный столик напротив окна был завален косметикой. Привести все это в порядок – задача не из легких.

Спальня была просторной, с большой кроватью с шелковым темно-зеленым изголовьем и светло-зелеными шторами. Большой телевизор на столике на колесиках был задвинут в угол. Заинтригованная Полин заметила мужские вещи: три смятые рубашки, носки, брюки чинос. На тумбочке слева громоздилась гора лекарств, лежала ночная маска и увлажняющий крем; справа порядка было значительно больше. Здесь лежали стопка книг, ручка, трубка, пепельница и очки в черепаховой оправе. Стало быть, мистер Миллер реально существовал и даже жил здесь.

Полин уже приходилось иметь дело со «свалками», как называли ее коллеги подобный беспорядок; она прекрасно понимала, что работать придется вдвое больше, но все же не ожидала такого. Простыни были в пятнах – кетчуп? Кровь? Полин предпочитала этого не знать. Перестелить! *И как можно скорее!* Она как наяву слышала суровый окрик Милдред.

Пока Полин работала, до нее периодически долетал голос миссис Миллер и ее серебристый, почти детский смех. Расставляя флаконы с таблетками: бензедрин, дексамил, секонал, нембутал, – все с фамилией миссис Миллер, Полин подумала, что в жизни не видела столько лекарств, и заинтересовалась, какой же болезнью страдает эта женщина. Но тут же опомнилась – ее это не касается.

Выходя из спальни, Полин почувствовала, что спина у нее мокрая от пота. Жара. Она закрыла окна и включила кондиционер. Теперь оставалось привести в порядок ванную. Она укладывалась в отведенное время. Отлично. Полин украдкой сделала несколько глотков воды из-под крана – уж очень хотелось пить.

– Как вас зовут?

Она отмывала ванну и вздрогнула, услышав мелодичный голос.

Миссис Миллер стояла, прислонившись к дверному косяку, и смотрела на нее. Ее лицо немного ожило, и глаза уже не были такими красными.

– Полин, мадам.

– Красивое имя. Вы местная?

– Я живу в Рино, но родилась во Франции. В Париже.

– В Париже... – повторила миссис Миллер, приложив немного подрагивающие тонкие руки к горлу.

Полин словно произнесла заклинание – лицо миссис Миллер просияло.

1946 год

Париж, Франция

– Полин! *Полин?* Я хочу тебя кое с кем познакомить!

Мать говорила грудным, более низким, чем обычно, голосом. Девочка знала, что она говорит так, когда хочет кому-то понравиться.

Коренастый мужчина, стоявший посреди гостиной, был в форме цвета хаки: армейская куртка, шерстяные брюки, высокие кожаные ботинки и ремень. Полин едва исполнилось семь, но она уже понимала, что это американский солдат, один из тех, что появились в Париже после освобождения. Его улыбку, наверное, самую широкую и добродушную из всех, что ей доводилось видеть, она заметила во вторую очередь.

Протянув девочке руку, он назвал ее по имени. У него оно прозвучало как «Полли».

– Это Даг Хаммонд, – сказала ей мама, явно волнуясь.

Повисло молчание, но Полин не почувствовала ни смущения, ни неловкости. Даг Хаммонд словно наполнял комнату покоем.

Даг с трудом говорил по-французски, английский Марсель Базеле был не лучше, но, к большому удовольствию Полин, они умудрялись объясняться на смеси языков, дополненной жестами, мимикой, а главное, смехом, и прекрасно понимали друг друга.

Отца Полин не помнила, он умер, когда ей не было и года. Представление о нем она составила по портрету, который висел над камином в гостиной: серьезный молодой человек с угловатым лицом и небольшими усиками. В двадцать восемь лет он скончался от рака поджелудочной железы. Ее мать овдовела в двадцать пять. Полин не привыкла видеть в доме мужчин, кроме близкой родни, дядей и кузенов. Изредка к матери приходили гости, но она не представляла их Полин так официально, как сделала это сейчас.

Этот мужчина отличался от других, он излучал спокойствие и, похоже, жил в согласии с собой и с окружающим миром. Умиротворенный, он сидел у них в гостиной с сигаретой в зубах и время от времени подмигивал «Полли». Ей это нравилось. Непривычным было и отношение Дага к ее матери. С тонкой талией и ямочками на щеках, Марсель всегда привлекала восхищенные взгляды, но американец был ею просто очарован, он не мог оторвать от нее глаз.

Этим вечером Марсель надела новое ярко-голубое платье с пышной юбкой, которое подчеркивало ее стройную фигуру. Она всегда была грациозна и элегантна: подбирала сумочку к туфлям, а шикарные темные волосы укладывала в невероятную прическу. Последнее было профессиональным навыком. Она управляла салоном красоты на улице Бреа, недалеко от их квартиры в сквере Деламбр в центре Монпарнаса.

Брижит, близкая подруга Марсель, пришла с бутылкой шампанского. С тех пор как закончилась война, у них каждый день находился повод для веселья. Париж превратился в город-праздник, и этому празднику не было конца. Брижит немного знала английский, что было очень кстати. Она переводила слова Дага.

– Он из штата Невада, – пояснила она, но Полин понятия не имела, что означает это слово. – *Не-ва-да*, – повторила Брижит.

– Что это такое? Где это находится? – спросила девочка у Брижит.

Та перевела вопрос Дагу и пояснила, что на испанском это слово означает «снежный покров»; вершины гор в тех краях всегда покрыты снегом.

Даг попросил листок бумаги и карандаш и нарисовал карту. Франция на ней показалась Полин маленькой; а вот Америка, расположенная по другую сторону океана, была очень большой. На левой стороне огромного континента Даг изобразил какой-то кривой длинный ромб – это и был штат Невада. В верхней части этого ромба, немного слева, он поставил точку.

– А вот это Рино, – сказал он.

И написал четыре заглавных буквы, которые Полин – она уже умела читать – прочла.

Позже она узнала, что мать познакомилась с Дагом месяц назад на уличном празднике на площади Алезия. Марсель пришла туда с Брижит и другими подругами, а Даг был с товарищами из полка. Чего Полин не знала, так это того, что с тех пор Марсель и Даг стали видеться чуть ли не каждый день.

Она жила спокойной жизнью благополучного ребенка. Была счастлива, что война закончилась, и, как и большинство детей, разделяла радость взрослых. Ходила в начальную школу на улице Делабр, хорошо училась и дружила с двумя одноклассницами, Шанталь и Мари-Шарлоттой. После занятий одна из помощниц Марсель забирала ее из школы и приводила в парикмахерскую на улице Бреа; там она делала уроки и сидела до закрытия. Она была еще слишком маленькой, чтобы самостоятельно переходить опасный перекресток Вавен.

Полин любила мамин салон. Клиентки встречали девочку ласковыми улыбками, когда она появлялась там, держа в руке сдобную булочку с шоколадной начинкой. Одни уже сушились под колпаками, другим еще мыли или красили волосы, делали маникюр. Королевой этого маленького мирка была Марсель, изящная, улыбочивая и предупредительная. Как Полин повезло, что у нее такая красивая мама, ворковали дамы. Когда Полин вырастет, она станет такой же красивой и элегантной. Марсель тоже ворковала и гладила Полин по голове.

– Надеюсь только, что она не вырастет слишком высокой, – говорила Марсель. – Ее бедный отец был метр девяносто пять, как генерал де Голль!

– Боже, какой высокий! Конечно нет! Не надо Полин быть такой высокой! – хором подхватывали дамы.

С тех пор Полин стала бояться, что вырастет длинной и неуклюжей, полной противоположностью своей изящной матери. Она уже была на голову выше подружек, Мари-Шарлотты и Шанталь, и невольно горбилась, приподнимала плечи и опускала подбородок.

Даг Хаммонд все чаще приходил на ужин в их квартиру в сквере Делабр; он всегда приносил цветы, шоколадные конфеты и маленькие подарки для «Полли». Мягкий, добрый и остроумный, Даг не был красавцем, но устоять перед его обаянием было трудно. Соседи по дому знали, что мадам Базеле часто навещает американский солдат. И относились к этому одобрительно. Она заслужила немного радости, эта милая молодая женщина, которая усердно трудится у себя в салоне и так хорошо воспитывает дочь. Сколько у нее мужества! И к тому же она такая хорошенькая!

Вооружившись англо-французским словарем, Даг старался изъясняться на языке Мольера. У него был такой забавный акцент, что Марсель и Полин смеялись до слез, но Даг не сдавался.

У него с матерью Полин все, похоже, было серьезно. В день рождения Марсель, когда ей исполнился тридцать один год, Полин поняла, насколько серьезно: мать показала ей кольцо. Она обручилась с Дагом. Марсель скоро станет миссис Даг Хаммонд. Когда Марсель говорила об этом, у нее на глаза наворачивались слезы.

Полин и представить себе не могла, как переменится ее, точнее, их жизнь после этого события. Она думала, что они с матерью так и будут ютиться в скромной квартирке с окнами, выходящими в тенистый двор. Даг просто переедет к ним. Она думала, что по-прежнему будет ходить в школу на улице Делабр с подругами, а на каникулах видеться с дедушкой и бабушкой, с кузенами и кузинами в Талуаре, в семейном коттедже на берегу озера Анси. Полин тогда мало что видела и почти ничего не понимала.

Не-ва-да. Это слово постоянно звучало в разговорах взрослых. Скоро они уедут и будут жить с Дагом в Неваде. Три слога возбуждали любопытство и одновременно пугали: неужели они оставят Париж, школу, парикмахерский салон, друзей и родных? Неужели откажутся от

привычной жизни? Тогда Полин и начала заикаться. Поначалу заикание было почти незаметным, но стоило ей разволноваться или растеряться, как оно усиливалось.

Полин никогда не видела мать такой счастливой, как в день регистрации брака в мэрии XIV округа. Марсель была в платье темно-малинового цвета, которое оттеняло ее фарфоровое личико. Даг сиял улыбкой; он был в темном костюме и при галстук.

Здание мэрии показалось Полин дворцом. Деревянные резные панели и кессонные потолки зала бракосочетаний произвели на нее огромное впечатление. Но позже, после веселого застолья в квартире в сквере Делабр, она вспомнила разговор между тетей (сестрой Марсель) и бабушкой, который невольно подслушала.

– Надеюсь, она все-таки понимает, что делает, бедняжка, – сказала тетя Ирен и поджала губы.

Бабушка покачала головой:

– Разве Марсель не заслужила счастья? Этот американец кажется достойным человеком.

Ирен нахмурилась и сказала почти шепотом, но до Полин все равно донеслось:

– Возможно. Но отправиться на другой конец света с человеком, о котором ничего не знаешь и на языке которого не говоришь? Не очень хорошая затея.

– Тише, малышка слушает.

И они замолчали.

«Неужели мама собирается сделать большую глупость?» – подумала Полин. По спине у нее побежали мурашки. Всякий раз, когда она с гордостью рассказывала друзьям, хозяйке квартиры или соседям, что уедет в Америку, потому что ее отчим родом из Не-ва-ды, на нее смотрели скорее с сочувствием. Кто-то даже спросил с насмешкой, на которую она не стала обращать внимания: значит, собираетесь на Дикий Запад к индейцам и ковбоям? Марсель такое точно не подойдет.

И еще был неприятный момент в парикмахерской, когда мадам Бертье, которая всегда совала нос не в свои дела, сообщила, что Рино – мировая столица по разводам. «Туда приезжают, потому что там проще простого развестись», – прошипела она с ухмылкой. Плохой знак для новобрачной. А что насчет тамошних казино, ночных клубов и других притонов? Марсель не боится растить дочь в этом царстве бездельников и мерзавцев?

Ручка замерла над тетрадь Полин; девочка внимательно слушала мадам Бертье. Интересно, что такое «притон»? Щеки ее матери вспыхнули, темные глаза метали молнии. Когда у Марсель появлялось такое выражение лица, хорошего не жди; мадам Бертье скоро убедилась в этом. Зажав в руке расческу, Марсель встала над мадам Бертье, которая сидела, запрокинув намыленную шампунем голову. Как она посмела сказать такое?! Ее Даг – добрый и порядочный человек, храбрый солдат, который воевал до последнего дня! У Дага в Рино автомастерская, при чем тут казино и притоны? Он из хорошей семьи, которая крепко стоит на ногах, добропорядочной семьи, трудовой семьи, семьи с правилами! Разъяренная Марсель не могла остановиться, мадам Бертье съеживалась, и Полин это почему-то было приятно. Неужели мадам Бертье считает, что Марсель позволила бы обвести себя вокруг пальца какому-нибудь сутенеру, жалкому мошеннику, который растратит ее скромное состояние, а потом наложит грязную лапу на Полин? Клиентки в салоне замерли, слушая Марсель. Мадам Бертье дрожащим голосом пробормотала, что, возможно, ляпнула лишнее, но ничего плохого не имела в виду, просто передала то, что слышала.

Стоя посреди салона, Марсель устремила расческу к потолку, как шпагу, и объявила громким, почти угрожающим голосом, что еще никогда не была так счастлива и имеет полное право на это счастье, потому что перенесла очень много горя. Она потеряла Жака в тот же год, когда родила Полин, а потом была война и бесконечная работа! Наконец-то она радуется тому, что ждет ее впереди. Она на пути к новой земле, и да, там возможно всякое, но она верит в счастливое будущее.

Полин отметила, что голос матери звучит спокойнее, и она перестала размахивать расческой. Да, она еще молода, и будущее сулит ей много надежд. Ей казалось, что она знает родные края Дага, потому что он описывал их с большой любовью, искал каждое слово в словаре, чтобы как можно точнее обрисовать этот уголок Невады, суровую красоту его природы, горы и дом на Вашингтон-стрит в Рино, где его родня ждет знакомства с Марсель и Полин. Полин видела, что некоторые клиентки утирают слезы. Неужели ее мать слишком размечталась?

В последующие недели девочке часто казалось, что мать витает в облаках. Даг вместе со своим полком покинул Францию. Он вернулся в Неваду и готовился к приезду жены и дочери. Марсель рассказывала друзьям и клиенткам, что переезд жен-француженок к мужьям-американцам полностью оплачивают американское правительство и Красный Крест. «Все организовано просто замечательно, – без конца повторяла она, – да просто великолепно». А вот Полин все это не казалось замечательным. Ей было страшно. Земля уходила у нее из-под ног. Девочка не знала, кому доверять и во что верить. Мать выдала ей маленький чемоданчик и сказала, что они купят все необходимое в Америке.

Квартира их день ото дня все больше пустела, вещи и мебель продавали или дарили, и Полин, не зная другого дома, горевала, глядя на пустые стены.

И вот наступил день отъезда. Такой важный и такой страшный. Марсель была полна энергии и решимости, и родные и близкие улыбались вместе с ней, гоня прочь сомнения и сожаления. Полин тоже старалась улыбаться; мать точно не хотела видеть рядом с собой плаксу. В кармане девочка сжимала брелок с Эйфелевой башней, который подарил ей кузен.

Когда они приехали на вокзал Сен-Лазар, чтобы сесть в поезд до Гавра, пошел дождь. Марсель не решилась расстаться со своим гардеробом, а главное, со шляпками. Ничего страшного не случится, если она возьмет с собой несколько шляпных коробок и самые красивые платья. Подруги ласково посмеивались: вряд ли коктейльные платья пригодятся ей среди ковбоев.

Ну и сутолока! Полин не совсем понимала, как будет проходить их путешествие, но усвоила: оно будет долгим. «Нужно набраться терпения», – предупредила ее Марсель. У Полин накопилось столько вопросов: как она будет ходить в школу, не зная английского? У нее там будут друзья? Она когда-нибудь увидится с родственниками и подругами? Мать на все вопросы отвечала: «Да, конечно». Но почему-то ее ответы не успокаивали девочку.

Когда поезд тронулся и платформа вместе с провожающими исчезла из вида, Полин поняла, что в вагоне одни женщины. Похоже, контролер здесь был единственным мужчиной. В основном в поезде ехали молодые француженки, жены американских солдат. Многие были беременны, другие держали на руках младенцев, но ни у кого не было таких взрослых детей, как Полин.

Как обычно, ее мать оказалась в центре внимания. Она проявляла участие, познакомилась со всеми женщинами в купе, расспрашивала, откуда их мужья и куда они едут. Попутчицы с радостью делились своими историями. Их болтовня была такой громкой, что Полин очень хотелось заткнуть уши. В конце концов она углубилась в созерцание мокрых равнин Нормандии, сжимая маленькую Эйфелеву башню так, что та впивалась ей в ладонь.

Путешествие показалось ей коротким, всего несколько часов. Когда поезд прибыл на вокзал Гавра, военных невест (так называли женщин, подобных ее матери) встретил свадебный марш в исполнении оркестра. Все вокруг улыбались, и Полин тоже. Когда они вышли из поезда, их попросили построиться парами, как в школе, и пойти к автобусам. Полин спросила маму, куда они поедут на автобусе. На корабль, который повезет их в Америку? Нет-нет, не на корабль, сначала они поедут во временный лагерь. Полин так и не поняла, что это значит.

Они проезжали разбомбленные деревни с обугленными руинами домов. Такого Полин еще не видела. Но ее попутчицы ничего не замечали, они были слишком заняты болтовней. Потом Полин увидела стрелки, которые показывали дорогу в лагерь. Двигатель автобуса заур-

чал, когда они начали взбираться на холм. Вскоре они оказались перед воротами с надписью: «Лагерь Филипп Морис. Посадка на борт в Гавре».

Когда они вышли из автобуса, дождь припустил сильнее. Полин почувствовала, что очень устала и хочет есть. Зато ее мать была по-прежнему в прекрасном настроении и полна энергии; ее не смутило даже то, что их повели к деревянным баракам на вершине холма. Их барак был под номером двенадцать, и они должны были жить там еще с двадцатью женщинами. Но и это нисколько не смутило ни ее маму, ни остальных женщин. Среди них были две дамы из их купе – Валери и Анна-Лора.

Они прожили в лагере «Филипп Морис» три дня. «Почему мы никак не поплывем на корабле в Нью-Йорк? – огорчалась Полин. – Почему застряли здесь?» – «Потому что нам нужно оформить документы, заполнить анкеты», – объяснила ей мать.

Однажды утром Полин поняла, что они наконец-то уезжают: корабль поднимет якорь ровно в полдень. Ею овладело волнение. К посадке на борт «С. С. Санта-Паула», американского торгового судна, зафрахтованного специально для того, чтобы перевезти в Нью-Йорк военных невест, готовилось несколько сотен женщин.

На пристани собралась толпа, многие хотели попрощаться с отъезжающими; фотографы делали снимки, когда зазвучала корабельная сирена. Марсель и Полин шли в конце очереди. Вдруг рядом послышались голоса – несколько стариков хихикали и размахивали трубками. Дамочки решили, что заживут красивой жизнью в Америке? Да не пройдет и года, как, поджав хвост, они прибегут обратно! Будут знать, как крутить любовь с америкосами!

– Не слушай их, – строго приказала Марсель дочери.

– Старые идиоты, – огрызнулась Валери.

Полин сразу встревожилась и засомневалась: что, если старики с трубками говорят правду? Вдруг мама поспешила? Но сомневаться было уже поздно. На корабле она подружилась с мальчиком, своим ровесником. Вместе с Эриком они убегали от матерей и, не обращая внимания на ворчание экипажа, обследовали корабль от верхней палубы до трюма, побывали на камбузе, в детской комнате и читальном зале. Никто здесь не говорил по-французски, но они очень быстро усвоили значение восклицания «No!».

Марсель и Полин жили в десятиместной каюте вместе с Валери и Анной-Лорой. Марсель по своему обыкновению всеми командовала, это получалось у нее совершенно естественно. К ней прислушивались, а она охотно раздавала советы: кому какая прическа идет, как подчеркнуть свою красоту.

Рано утром представители Красного Креста и американского правительства стучались в каюты, чтобы удостовериться, что все благополучно, и приносили очередные бумаги для заполнения. Марсель один раз взяла Полин с собой на лекцию на английском языке, посвященную американской культуре. Такие мероприятия должны были помочь женам-француженкам быстрее приспособиться к жизни в новой стране. Но до конца лекции Марсель не досидела. Еще им пришлось пройти вакцинацию. От чего? «От опасных болезней», – таков был ответ.

Когда Полин проходила через кухню или ресторан, один из официантов непременно давал ей кусочек пирога или сыра. Это был здоровенный темнокожий парень по имени Ривер. Рядом с ним Полин чувствовала себя важной персоной, потому что он приветствовал ее, отдавая честь и щелкая каблуками, и почтительно называл «мисс Полин». Она с трудом объяснила ему, что едет в Неваду, и поняла, что Ривер родом из Миссисипи. Это название очень понравилось Полин. Ривер отыскал где-то маленькую карту Соединенных Штатов и прочитал ей названия всех штатов.

Вечером молодые женщины отправлялись в кино или на танцы, но Полин была слишком мала, и Марсель не брала ее с собой. Она оставалась в детской вместе с Эриком. Они притворялись крепко спящими, а потом, когда няньки уходили выпить чашку горячего шоко-

лада, выбирались из комнаты в пижамах, поднимались по лестнице и прятались в темном углу, чтобы подсматривать за матерями.

– Твоя мама самая красивая, – с восхищением говорил Эрик, глядя, как Марсель в красивом платье кружится по залу.

– Я знаю, – с гордостью отвечала Полин.

Накануне прибытия в порт Нью-Йорка погода изменилась, разразился шторм. Корабль сильно качало, и у многих началась морская болезнь. Валери и Анну-Лору буквально выворачивало наизнанку, но Марсель держалась и выносила за ними тазики. Впрочем, впереди подруг Марсель ждало куда более серьезное испытание. Мужья должны были приехать за ними в Нью-Йорк, чтобы отвезти на новое место жительства, но ни за Валери, ни за Анной-Лорой никто так и не явился. Их отчаяние произвело на Полин гнетущее впечатление. Были и другие брошенные жены, и совсем не мало. Марсель была потрясена, а Полин стало страшно: что, если такое случится с ее мамой?

Оцепеневшая, она увидела вдалеке статую Свободы. Нью-Йорк, кишачий автомобилями и пешеходами, показался ей самым шумным и многолюдным городом на свете. Их отвезли в центр города в приют для женщин. На следующий день представительница Красного Креста должна была сопровождать Марсель и Полин на вокзал.

В ту ночь девочка никак не могла заснуть, она все думала о Валери, Анне-Лоре и других женщинах, которых не встретили мужья. Потом решила не поддаваться тревоге и крепче сжала в руке Эйфелеву башню.

С тех пор как они уехали из Парижа, Марсель каждое утро красилась, глядя в карманное зеркальце, и делала изысканную прическу. Она следила за тем, чтобы и дочь выглядела безупречно. В их жизни все перевернулось с ног на голову. Полин с корнем вырвали из родной почвы, и она была растеряна, но, стоя на перроне вокзала рядом с нарядной мамой, которая держала шляпную коробку и на которую с восхищением смотрели все носильщики, девочка чувствовала себя спокойнее. До Чикаго они поедут в спальном вагоне вместе с сотрудницей Красного Креста, а на следующий день должны будут пересесть в другой поезд и добираться до Рино уже самостоятельно. В общей сложности поездка займет три дня и три ночи. Полин взяла карту, которую дал ей Ривер, и проследила их маршрут: чтобы из штата Нью-Йорк попасть в штат Невада, нужно пересечь очень много штатов: Пенсильванию, Огайо, Индиану, Иллинойс, Айову, Небраску, Колорадо и Юту. Ее отчим прислал телеграмму в нью-йоркское отделение Христианской ассоциации молодых женщин, которая приютила их, и подтвердил, что через три дня будет ждать жену и падчерицу на вокзале в Рино. Полин поняла по лицу матери, что та обрадовалась и успокоилась.

После Чикаго они остались без сопровождающей, и Полин с удивлением обнаружила, что окружающие очень внимательны и предупредительны. В Париже она словно принадлежала к касте невидимок, детей, с которыми заговаривают только в исключительных случаях, а здесь, в этой неизвестной новой стране, все проявляли к ней интерес, расспрашивали, кто она, откуда и куда едет. Ей всегда приветливо улыбались, подмигивали, говорили: «Эй, Полин, привет!» Марсель держалась сдержанно, она не привыкла к повышенному вниманию со стороны посторонних. «Они стараются быть вежливыми», – шепотом говорила она дочери, но про себя считала этих людей назойливыми. К тому же из-за их гнусавого тягучего произношения она почти ничего не понимала. Сотрудница Красного Креста дала им брошюру с самыми простыми английскими фразами. Полин старалась выучить их и тихо повторяла. Ее мать даже не взглянула на брошюру.

Ужины в вагоне-ресторане очень нравились Марсель, потому что к ним нужно было переодеваться. Когда они с дочерью усаживались за столик, все смотрели только на Марсель. Американцев поражала ее элегантность. Марсель очаровывала окружающих, а Полин восхищалась

тонкой льняной скатертью, фарфоровой посудой, тяжелыми серебряными приборами и внимательными официантами в белых форменных куртках и длинных белых фартуках.

За окном вагона мелькали удивительные картины, в реальность которых Полин трудно было поверить: бескрайние поля золотистой кукурузы, широкие пенистые реки, огромные автомобильные мосты, перекинутые через величественные озера, деревья, упирающиеся верхушками в небо, горные склоны, похожие на великолепные соборы, острые скалы, туннели, проложенные в глубине гор, густые зеленые леса и вершины, покрытые вечными снегами. Каждый день дарил ей новые, все более впечатляющие виды: оранжево-красные холмы самой причудливой формы и километры выжженной солнцем пустыни. Полин видела города, деревни, людей, работающих в саду, церковные колокольни, коров на пастбищах, детей, играющих в парках, оленей и ланей. Увидев их впервые, Полин вскрикнула от восторга.

– Мама! Смотри, смотри! – позвала она.

Полин была уверена, что мать тоже не видела ничего подобного. Но Марсель писала письма или делала маникюр. В последний день, когда они уже подъезжали к Рино, пожилая дама, которая сидела напротив, неуверенно заговорила с ними на французском. Она употребляла устаревшие и немного причудливые обороты речи, но понять их не составляло труда. Она сказала, что Рино называют «самым большим маленьким городом в мире», а потом задала вопрос, который очень встревожил Полин и от которого потемнело лицо ее матери:

– Вы едете, чтобы поскорее получить развод?

– Конечно нет, что за странное предположение! – возмутилась Марсель. – Я еду в Рино с дочерью. Муж ждет нас.

Марсель сердито отвернулась от старушки, та пожала плечами и улыбнулась Полин.

Внимание девочки вдруг привлекло какое-то движение на бескрайней равнине. Она увидела лошадей – они неслись сумасшедшим галопом, почти со скоростью поезда. Их было пять или шесть, все разного цвета: черная, белая, пятнистая, коричневая, рыжая. Они не бежали, а летели, распустив гривы и хвосты по ветру, сами свободные как ветер. Загипнотизированная Полин прижалась лицом к стеклу.

– Мустанги, – сказала пожилая дама.

– Мустанги? – переспросила Полин.

Ей очень понравилось это звучное слово.

– Дикие лошади Невады.

– Они кому-то принадлежат?

Пожилая дама покачала головой. Они никому не принадлежат. Эти свободные неукротимые лошади уже давно живут на холмах Невады. Это потомки домашних лошадей, привезенных в Америку в XVI веке конкистадорами и сбежавших от хозяев. Их название произошло от испанских слов «mostrenco» и «mestengo», означающих «дикое животное» и «без хозяина». Полин смотрела на лошадей, пока они не исчезли в облаке пыли.

Наконец пришло время проверить, не забыли ли они чего-нибудь в купе, и сойти с поезда. Марсель не скрывала волнения, она удостоверилась: не растеклась ли помада и хорошо ли сидит на голове сдвинутый набок кокетливый берет. С ними вышло немало пассажиров, но все они, похоже, знали, куда направляются. Полин и Марсель скоро остались одни на перроне перед домиком из светлого кирпича под красной крышей.

Вправо и влево до самого горизонта тянулось железнодорожное полотно. В небе насыщенного синего цвета плыли большие белые облака. Ветерок играл волосами Полин. А она оглядывалась по сторонам, надеясь, что снова увидит мустангов. И вдыхала воздух, наполненный восхитительным ароматом, в котором сочетались землистые, травяные и песчаные ноты. Она еще не знала, что так благоухает вся Невада и это запах полыни.

Время шло, и Марсель в красивом голубом костюме начала нервно поглядывать на часы. Полин тоже было не по себе. Что, если Даг не приедет? Они станут как бедные мамыны подруги: брошенные военные невесты, которые вынуждены возвращаться во Францию в одиночестве.

Через некоторое время к ним подошел мужчина в фуражке и со свистком на груди. Он стал их о чем-то спрашивать, но они не понимали вопросов. Он казался дружелюбным и, судя по всему, никогда не видел у себя на станции таких пассажиров. Особенно пристально он разглядывал Марсель. Полин нашла брошюру, полученную от Красного Креста, и протянула ему; он полистал ее и, видимо, сообразил, кто они такие. Бросил последний недоверчивый взгляд на кокетливый берет и шляпную коробку Марсель и ушел.

Марсель еще раз взглянула на себя в карманное зеркальце. Ее руки в изящных перчатках дрожали, она растерянно оглядывалась, словно не понимая, как оказалась в этой забытой богом дыре. Полин спрашивала себя, куда делась ее отважная энергичная мама, которая не давала впадать в уныние женщинам на корабле и утешала брошенных жен в Нью-Йорке.

Тут Полин заметила, что к ним решительно направляются три человека в сопровождении радостно скачущего белого щенка. Она не сразу узнала Дага, потому что он был не в привычной военной форме, а в рабочем комбинезоне с пятнами смазки и в смешной кепке. Сгорбленная пожилая пара с непокрытыми головами и букетом цветов спешила за ним.

– Мама, смотри, это они, – сказала Полин шепотом, потому что они были уже близко.

Марсель подняла голову, взглянула и покачала головой:

– Нет, детка. Ничего подобного.

Но тут Даг начал звать их по именам хриплым от волнения голосом. Он громко кричал: «Марсель! Полли!», и Полин подхватила волна восторга – вот ради чего они ехали так долго! Даг сдержал слово! Он здесь!

И Полин кинулась к нему, раскинув руки, плача и смеясь, а щенок с лаем прыгал вокруг нее. Даг подхватил девочку, словно она была перышком, и поднял высоко-высоко.

– Я видела мустангов, – сказала Полин.

– Здорово! – отозвался Даг и издал что-то вроде ржания.

Потом он объявил, что маленький белый щенок теперь принадлежит ей. Его зовут Принц.

Полин была на седьмом небе от счастья.

Лишь намного позже она заметила, каким растерянным взглядом мать смотрит на заляпанный комбинезон Дага и на его добрых преданных родителей, таких простых, с натруженными руками, в старомодной поношенной одежде и грубых ботинках.

Полин показала, что ее онемевшая удрученная мать уже возвращается на восток по убегающим к горизонту рельсам, торопится во Францию, чтобы вернуть все то, что оставила на родине.

Свою жизнь, своих друзей.

Кафе, театры, музеи.

И Париж. Конечно, Париж. Париж!

Лето 1960 года

Рино, Невада

– Ах, Париж... Париж! – воскликнула миссис Миллер и словно в экстазе закрыла глаза. – Значит, вы говорите по-французски?

– Конечно, – ответила Полин. – Свободно.

– Но по-английски вы говорите без акцента, – удивилась миссис Миллер.

Полин объяснила, что приехала в Рино семилетней девочкой. Ее мать была вдовой и вторым браком вышла замуж за солдата из Невады. Миссис Миллер спросила, возвращалась ли она в Париж с тех пор. Полин кивнула: да, в 1955-м, когда умерла бабушка. Тогда она впервые полетела на самолете.

– Я никогда не была в Париже, – сказала миссис Миллер. – Я о нем мечтаю!

– И обязательно поедете, миссис Миллер, – пообещала Полин, убирая метелку.

Ей пора было уходить из апартаментов, ставить тележку на место и спускаться на первый этаж.

Миссис Миллер проводила ее до двери, вид у нее был задумчивый. Она покусывала ноготь указательного пальца.

– Вы не могли бы мне помочь?... – наконец попросила миссис Миллер.

– Охотно, мадам. Чем могу быть полезна?

– Я хотела бы написать письмо. По-французски.

– Да, конечно.

Глаза миссис Миллер заблестели, на губах заиграла плутовская улыбка. Сейчас она казалась очень хорошенькой, даже несмотря на болезненную бледность.

– Любовное письмо, – уточнила она. – Да, любовное... Особенное письмо.

Полин удалось скрыть удивление. Да, конечно, она готова помочь мадам.

Миссис Миллер приподняла руки, и на секунду Полин показалось, что мадам собирается ее обнять.

– Так напишем его прямо сейчас! Я очень рада!

Раздался стук в дверь. Миссис Миллер замерла с видом провинившегося ребенка.

– Кто там? – спросила она.

Полин услышала мужской голос.

– Это ты, Рэйф?

– Да, я, – послышался ответ.

Это ее муж, мистер Миллер?

На пороге стоял высокий мускулистый мужчина с квадратным лицом и темными волосами, в джинсах и полосатой рубашке.

Миссис Миллер с детским восторгом бросилась ему на шею.

– С тобой мне станет гораздо лучше! – радостно сказала она.

Мужчина ласково положил руку на плечо мадам и вошел в номер, на ходу поздоровавшись с Полин.

Снова зазвонил телефон.

– Это, должно быть, Пола, – вздохнула миссис Миллер.

– Пола подождет, – ответил мужчина.

Он направился напрямик в спальню и через минуту или две сообщил, что готов и ждет.

Полин почувствовала себя неловко и решила, что самое время уходить. Для нее, конечно, так и останется загадкой, кто такой этот Рэйф, потому что в апартаменты под номером 614 она

больше никогда не попадет. Завтра Милдред отправит сюда Линду или Китти, а может, еще кого-нибудь из горничных. Но не ее, это уж точно.

Миссис Миллер тем временем скрылась в спальне и закрыла за собой дверь.

Полин как можно быстрее и тише вышла из номера, поставила на место тележку и спустилась вниз. Лифт был переполнен, так что она не смогла еще раз поблагодарить Гаспара, но показала ему поднятый большой палец, и он улыбнулся в ответ.

Полин вернулась в туалет на первом этаже и убедилась, что никто не подменял ее, пока она работала в апартаментах. Пора было снова приниматься за уборку. О, кто-то даже оставил ей чаевые! Она чистила, мыла и думала о миссис Миллер и ее необычной просьбе, в общем-то довольно романтической. В Рино никто не говорил по-французски. Ее мать здесь по-прежнему называли «парижанкой». В отличие от Полин, которая очень быстро приспособилась к новому языку, Марсель так и не избавилась от акцента. Джимми, младший брат Полин, который родился в 1947 году, через год после их приезда, вообще не говорил по-французски.

«Надо же, любовное письмо на французском», – мечтательно думала Полин, стоя на коленях и надраивая унитаз. Интересно, кому собиралась писать миссис Миллер? Уж конечно, не мужу. Неужели этому высокому темноволосому мужчине по имени Рэйф?

Полин продолжала раздумывать над этим, когда услышала шаги. Она быстро встала, поправила фартук и нацепила дежурную улыбку. Сотрудники «Мэйпса» должны всегда улыбаться клиентам. Но когда Полин увидела, кто вошел, ее улыбка померкла.

Эвелина Спенсер, жена Кендалла, и его сын Перси. Да, первым у них родился сын, Полин это знала. Непонятно, почему миссис Спенсер пришла сюда, вместо того чтобы воспользоваться туалетом на втором этаже, рядом с большим кабинетом мужа, заместителя директора гостиницы.

Она смерила Полин презрительным взглядом и, не удостоив ее даже приветственным кивком, отправила сына в кабинку.

– Добрый день, миссис Спенсер, – вежливо сказала Полин, начищая кран.

Та не ответила. Впрочем, она никогда не отвечала. Как только ее сын вышел из кабинки, она помыла ему руки и удалилась с гордо поднятой головой. Мальчик оставил после себя большую лужу.

Полин едва успела разобраться с этим оскорблением, как в туалет влетела Милдред. Вид у нее был не менее озабоченный, чем утром. Не переводя дыхания, она забросала Полин вопросами. Неужели миссис Миллер была в номере? Как это могло произойти? Что Полин сказала, что сделала? Были какие-то проблемы, миссис Миллер была чем-то недовольна? Если да, Милдред должна немедленно узнать подробности. Или миссис Миллер выглядела довольной? Полин удалось сделать уборку?

Полин слушала молча – вставить в этот поток хоть слово было невозможно. К тому же она боялась, что начнет заикаться. Пока Милдред сыпала вопросами, Полин подумала, что пора призвать на помощь Командора. Пухлые хомячьи щеки Милдред исчезли, и Полин увидела летящего галопом вороного жеребца. Волнение сразу прошло. Да, миссис Миллер была в номере, она отдыхала в спальне. Ее разбудил пылесос. Все прошло благополучно. Полин поставилась выполнить свою работу как можно лучше. Нет, никаких проблем не возникло. Миссис Миллер попросила принести ей коктейль «Кровавая Мэри». Полин выполнила ее просьбу. Миссис Миллер, кажется, осталась довольна. Да, Полин успела убрать весь номер.

– Муж миссис Миллер тоже был там?

Полин замаялась. Она не хотела проявить бестактность и поставить миссис Миллер в неловкое положение.

– Пришел какой-то мужчина, возможно, это был мистер Миллер.

– Какой он из себя?

Описывая мускулистого незнакомца с черными как смоль волосами, Полин все-таки начала заикаться.

– Он был в очках? Курил трубку?

– Н-нет.

– Ну так это не мистер Миллер. Значит, это массажист миссис Миллер мистер Робертс, он приходит к ней утром и вечером.

Полин замолчала. Милдред подошла совсем близко, ее длинный розовый нос блестел.

– Полин, надеюсь, ты знаешь, кто такая миссис Миллер? Не настолько же ты невежественна, правда?

И Полин солгала. У нее не было другого выхода. Она сказала, что, конечно, знает, что она все поняла. Но на самом деле она не понимала ровным счетом ничего.

Кто же эта женщина из апартаментов 614? Усталая, растерянная, с приглушенным голосом. Почему она так важна для Милдред?

В обеденный перерыв Полин спустилась в столовую для персонала на цокольном этаже. Китти помахала ей рукой, приглашая за свой столик. С ней уже сидели Харпер и Мод, тоже горничные. Они тепло приветствовали Полин, и она со своим подносом устроилась рядом. Похоже, все уже слышали о ее приключениях на седьмом этаже и хотели узнать подробности. Гаспар и Педро говорили, что Полин отлично справилась, и даже Милдред была того же мнения.

– Она что, была голой? – усмехнулась Мод.

– Кто? – уточнила Полин, откусывая кусок хот-дога.

– Ну кто-кто? Миссис Миллер, конечно.

– Да, – признала Полин, поморщившись. – Но я предложила ей надеть халат. И она надела.

– Браво! – засмеялась Харпер. – По утрам она всегда расхаживает голышом. Пилар так и не отважилась ей ничего сказать.

– И ты убрала весь бардак? Пустые бутылки, одежду, туфли...

– Да, абсолютно все. Настоящий свинарник.

– А она с тобой говорила?

О просьбе написать любовное письмо на французском Полин решила не рассказывать и ответила, что мадам была с ней вежлива, но, по ее мнению, выглядит она неважно, похоже, переутомилась.

– Она такая с самого приезда, – сказала Мод. – Что-то у Миллеров не ладится. Они постоянно ссорятся.

– Если миссис Миллер останется довольна уборкой, Милдред оставит тебя работать горничной на этаже.

– Полин, ты это заслужила! То, что с тобой случилось, ужасно несправедливо!

Эти дружеские слова согрели Полин. Девушки знали, в какое неприятное положение она попала, и искренне ей сочувствовали.

Китти ласково обняла ее за плечи.

– Мы с тобой, французенка, не забывай об этом.

У горничных мало времени на отдых – Мод и Харпер пора было бежать на свой этаж. Китти осталась с подругой. Та ждала, пока Полин доест десерт. Они сидели друг напротив друга в переполненной шумной столовой. Во время обеда весь персонал гостиницы «Мэйпс», кроме руководства, собирался в этой вытянутой комнате с низкими потолками. Диспетчеры лифтов, посыльные, телефонистки и составители музыкальных подборок для застекленного бара сидели здесь бок о бок.

Китти продолжила разговор:

– Расскажешь маме, где убиралась утром? Марсель просто с ума сойдет от таких новостей!

Полин положила ложку.

– К-китти, – начала она.

Услышав, что Полин заикается, подруга встревожилась и спросила, что случилось. Полин постаралась взять себя в руки и объяснила, что не решается ни с кем это обсуждать и только Китти может ей помочь. Затем она выпалила:

– Не понимаю, почему все ходят на цыпочках вокруг миссис Миллер.

Несколько секунд Китти молчала, и Полин опять забеспокоилась: что она упустила? Чего не заметила? Но Китти надежный друг, она не станет над ней насмехаться.

Наконец Китти прошептала:

– Так ты не знаешь, кто она?

– Не знаю, – смущенно пробормотала Полин. – И чувствую себя очень глупо. Я видела усталую неухоженную женщину с кучей пустых бутылок из-под шампанского около кровати, и все!

Китти похлопала Полин по руке.

– Понятно. Хоть Милдред и запретила говорить об этом, все слышали рассказы Пилар и ребят из службы обслуживания номеров. По утрам она на себя не похожа. Трудно поверить, но никто не узнает ее в халате и без макияжа. Похоже, ей нужен не один час, чтобы привести себя в порядок.

Китти невольно засмеялась.

– Говори скорей, кто же она?

– Ах, ну да, сейчас. Ты уехала на озеро Тахо и все пропустила. Неужели мама ничего тебе не сказала? Я удивлена. Она спец в этой области.

Полин почувствовала раздражение. Ее словно вычеркнули из жизни, оставили на обочине. Она нахмурилась.

– Мама только жалуется и прикладывается к рюмке, как будто ты не знаешь! Это ад.

Китти снова похлопала ее по руке.

– Извини, француженка, не хотела тебя обидеть.

– Да говори уже, кто эта женщина, а то я сойду с ума!

– Тише, спокойнее. – Китти перегнулась через стол и прошептала Полин на ухо: – Миссис Миллер из шестисот сорока четвертого номера это Мэрилин Монро.

Полин показалось, что в столовой воцарилась мертвая тишина.

На этажерке в гостиной белого домика из гонта Марсель бережно хранила журналы, которые присылала ей из Парижа сестра: «Пари-матч», «Жур де Франс» и «Пуэн де вю Имаж дю монд». Марсель выписывала и американские журналы, посвященные звездам Голливуда: «Мувилэнд», «Скринлэнд» и «Муви лайф». Это была ее страсть. Даг, Полин и Джимми привыкли видеть Марсель на диване с бигуди на голове, ментоловой сигаретой в руке, стаканом бурбона и любимыми журналами на низком столике. В такие минуты не стоило ее беспокоить.

В тот день, вернувшись из «Мэйпса» и покормив Лили и Джимми обедом, Полин стала лихорадочно рыться в журналах матери. Марсель обычно возвращалась из парикмахерской позже, так что Полин не боялась, что ее застанут на месте преступления.

Долго искать ей не пришлось. В последних номерах журналов постоянно попадались статьи о фильмах и личной жизни Мэрилин Монро. Полин узнала, что четыре года назад актриса вышла замуж за драматурга Артура Миллера, но, похоже, их отношения сейчас были накалены до предела. Разумеется, Полин слышала о Мэрилин Монро, звезде фильма «Джентльмены предпочитают блондинок». Она даже смотрела этот фильм в кинотеатре «Мажестик» в день рождения, ей тогда исполнилось четырнадцать. С тех пор она время от времени слышала

об актрисе – что-то говорила мать, что-то бывало в новостях по телевизору или радио. Впрочем, запомнила Полин мало – только то, что настоящее имя Мэрилин было Норма Джин, а ее первый брак со звездой бейсбола оказался неудачным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.